

"Стратегия. Гоблин"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Вадим Денисов

Стратегия. Гоблин

© Денисов В. В., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Биографическая справка

Сталкер - Михаил Сомов, русский, 32 года;

м. р.: г. Нижний Новгород, с/о, три незаконченных высших;

специальность: монтажник металлоконструкций;

с. п.: холост;

специальность на П-5: водитель авто- и гусеничной техники, механик-водитель;

ВУС: воздушно-десантные войска, ком. отделения, старшина;

спорт: бокс, спорт. туризм 5 кат. сложности, сталкер-боец;

должность на П-5: рейдер высшей категории автономности, р/п «Гоблин».

С поэзией, парни, я решил завязать, не срослось что-то.

На Земле я стишками не баловался, это меня уже здесь пробило на творчество. Дело было так: сидели мы как-то в засаде у Трех Камней, почти в самом начале Пакистанки. Братаны кемарили в четыре ноздри, а мне по раскладу ночная фишка выпала. Ночь июльская, знаете, тепло так, тихо, без тревоги. Ну, я поглядываю, как положено, исправно бодрствую, прибором подходы простреливаю. А вокруг такая красотища, что аж страшно становится! Небо вызвездило, луна взошла, тени всякие... Романтика, в общем. Тут меня и прошило. Блокнот не достать, делом занят, так я в уме начал кропать.

Первые свои вирши никому не показывал, стеснялся сильно. Эти первые позже перечитал, ужаснулся и большей частью сжег в камине нашей сторожки, что в Замке. Врал знаменитый писатель: рукописи, оказывается, горят - только в путь!

Не помню первых своих стихов, старательно забыл. А потом ничего, завертелось колесико, набил руку. Девчатам из прачечной мои сочинения всегда нравились, медички тоже хвалили, я им даже пару раз на праздник подкидывал что-то типа куплетов.

А вот братва не заценила, тугие они на поэзию, Кастет вообще ржал три дня... Чурбаны, короче, без высокого в душе. Вот ведь какая пробоина в корабле мечты: вроде в новый мир попал, все дороги открыты, все возможности червами козырными раскинуты! Но даже здесь завистники мешают, трудно талантливому начинающему автору пробиться наверх, ох трудно... Да, признаю, тех звезд с небес над Пакистанкой я так и не ухватил, но ведь неплохо же получалось! Легко, доступно, без понтовни, для простых людей.

Вот, например, такое сочинил - для одной классной кончиты... извините, для девчонки одной

из доврачебного осмотра:

Когда прибуду на гражданку,
Я обниму твой теплый стан,
И ты мне дашь, моя волжанка,
Все-все... ну и воды стакан [1].

Плохо, что ли, кто так скажет, ну-ка? Вот и я считаю, что ништяк. Да и девчуля завздыхала, голову на плечико положила. Или вот это, для летнего детского лагеря, от всей души писал, патриотическое, на торжественную линейку:

Если враг нападет на страну,
Вмиг спадет с меня сладкая нега -
Я надену штаны и пойду
Наводить на него «Печенега».

Здесь, конечно, приврал слегонца, не без этого, никакого такого «Печенега» у меня нет, только ПКМ, так ведь это мелочь!

Мои напарники до сих пор хрюкают. Ненавижу, когда люди глаза отводят со смешками. Обидно. Проще не писать. А Кастет, между прочим, вообще ни одного стиха не написал!

Короче, один Демченко понял. Посоветовал отвлечься от рифмы и перейти на прозу, говорит, к твоей натуре такое приложится органичней. Для начала посоветовал опробовать короткую форму, набить на ноутбуке что-то типа рассказа там или очерка. Или репортажа, черт их различает, эти формы-жанры, не пацанское дело...

Но с одним условием: чтобы без тупизмов и с минимумом веселой солдатской шутки.

Сразу скажу, что это будет всего одна довольно короткая история из жизни группы, одна из... Из скольких? Сам не знаю, не считал. Есть гораздо интересней, но я выбрал именно эту из-за места действия - уж очень оно необычное. Да и операция не из секретных, теперь можно.

Так что все, парни, соберитесь в кучу, текст будет нормальный. Я клятвенно пообещал Сереге рассказывать все предельно серьезно, без лишних приколов и без байды пустой, по-взрослому. Иначе, говорит, не приму такое в печать, дружбан, называется.

Ну, что... Сказал А, говори Б! А в печать я, ребята, очень хочу попасть, если честно. Мне вообще нравится эта затея - истории от очевидцев событий, первых авторов уже почитал. Многие теперь пишут всякую хрень в эти «Хроники Замка». Так что и я попробую. Главное, как подсказал мне добрый дядька Дугин, писать дисциплинированно, системно, чтобы каждый день и через не могу. Трудно будет, потому что тренировка нужна, привычка. Можно еще и дневник вести.

С дисциплиной у меня все нормально, отвечаю. Я уже забыл, сколько лет соблюдаю жесткое правило: полчаса перед сном выделять время для книжки. В рейды с собой покетбуки таскаю. Мужики поначалу смеялись, а потом Кастет у меня начал просить почитать, вы поняли? А я ему - хрен! Растреплешь все, говорю, своими лапами, они же нежные, клееные! Вот так... Много читаю.

Приятно бывает культурную мину подорвать, неожиданно выкатив распонтованному собеседнику в кабаке что-нибудь литературное, например: «Слышь, ты, мерин пупыристый, читал Джона Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки», а?» Он еще минуту назад

передо мной стоху гнул, показывая, какой крутой, а теперь вон сидит молча, хлопает глазками, рот открыв. А я таким книжным способом борюсь с желанием физически внести ему аргумент непосредственно в дыню. Кстати, после чтения всегда пятнадцать минут боксирую. По всем точкам груши висят, в поле – по березе или иве, они амортизируют.

Значит, так, сперва я сам текст вычитаю раз пять, а потом Костя поможет выровнять косячное. Он уже заявил, что будет нещадно резать быдлячье и жаргонизмы гопоты, мол, не дам тебе превратить правдивую историю про сталкеров высшей категории в энциклопедию блатной фени и уральской гопнической бакланки. Ну, посмотрим, что из этого получится, надеюсь, все он не вырежет, это же определенный шарм, стиль. А я пацан шармовый.

Думаю, что книжка сладится, как нужно.

Но предупреждаю: смеяться не надо. Не надо.

Не люблю.

Глава 1

Криво все как-то

Машина тонула.

Падла! Да она словно сама нырнула! Тонула не очень быстро, но неотвратно, настойчиво, как начавший нагреваться утюг, поставленный на восковую плиту. Видели когда-нибудь? А я видел в профилактории.

И мне почему-то сразу стало ясно: ничего мы тут не сделаем.

- Шевелись, лосяра! Лесину тащи, резвей! – заорал мне Кастет, и я, быстро крутанув головой по сторонам, прыжками помчался к стене деревьев.

Настоящий лес был всего с двух сторон: справа и позади от нас. По кругу – высокие кусты, густые, колючие, местами без мачете и не пролезешь. А впереди, под хмарью серого неба, на почти круглой травяной поляне, плоской, как блин, сыто булькало жерло болотины, где поселилось замаскировавшееся чудовище. Что за местность, сплошной обман...

- Что делать-то, Костян?! – крикнул от деревьев.

- А я знаю? – громко огрызнулся комсталк, один за другим отдирая ремни крепления кофра, от грязи присохшие к скобам.

Нормально! И кто тогда знает?

- Работай! – отчаянно взвыл Лунев, ломая ногти о последний замок.

Нервы дрожали так, что я с ходу, как карандаш, переломил приличного размера деревце, похожее на иву: затрещало почти у самого комля. Во что псих в теле творит!

Как это верное палево можно было не заметить, спросите вы меня? Да запросто! Ядовитого цвета болотце, обманчиво слившееся по краям с обычной зеленой травой, словно специально тут поставлено капканом для торопыг. Четкая круговая линия, сейчас-то ее уже хорошо видно, как обрез по диаметру! На ближнем краю трясины из зелени мха еще высовываются задние колеса экспедиционного «виллиса».

Подбегая к внедорожнику, я замедлил шаг, меня реально напрягал необычайно мягкий грунт под ногами. Не провалиться бы сдуру самому, не угодить бы в коварную топь!

- Куда совать-то?!

- В задницу суй! Нет! Стоп! Брось лесину, лось, лови кофр!

Так, стройного плана, вижу, у нас нет. Я еще раз попытался, с силой обламывая ветви о металл, просунуть ствол под корму - бесполезно, только зря силы трачу.

- Кидай!

С трудом подняв тяжеленный брезентовый кофр до уровня груди, Кастет попытался его поднять повыше и не смог.

- Сам сниму! - решил я тут же. - Пулемет скидывай с вертлюга!

«Тигр» помешает. Пришлось сбросить карабин на землю. Личное оружие осталось при группе, в боевой или предбоевой обстановке у нас только так: на случай экстренной эвакуации личного состава из машины ремни привычно перекинуты через шею.

А кто, спрашивается, подходы пасти будет, вдруг речники, по закону всемирного сволочизма, объявятся именно сейчас? Да и не только местные жители сейчас представляют опасность. В любой момент из стены кустов может выскочить какой-нибудь зверь, кто знает, что тут, в Речниках, из особо нехорошего водится. Хотя нет, вижу, Сухов посматривает, у него самое удобное для этого дела место.

Задние колеса автомобиля ушли в рыхлую влажную почву уже больше чем наполовину, передок скрылся по крышку капота. Хана, бродяги, пора прощаться... Громко квакали жирные пупырчатые лягушки, в кустах бесились мелкие птицы. Под ногами прогибалось и хлюпало, берцы были полностью укутаны густым пушистым мхом.

Раз! Кофр взлетел на плечо, позвоночник было скрипнул, но я принял вес на мышцы и почувствовал, что начинаю уверенно погружаться то ли в грунт, то ли уже в болото. Единственное правильное решение пришло мгновенно, и я просто упал мордой вперед, скидывая кофр в сторону, чтобы не придавил к чертям.

Хрясь! Тьфу ты, полный рот! Но зато было мягко. Ноздри сразу забило какой-то паскудной липкой ряской. Резко выдохнул. Вонь от нее шла...

Воздух, как и все вокруг, перенасыщен сыростью, которой было пропитано все по соседству. И этот странный запах, ацетоновый, неприятный... Нехорошее место.

- Как же ты сюда врехался, Костян, зараза! - не выдержал я все-таки.

- Пулемет никак не могу снять! - хрипло сообщил в ответ комсталк, тут же продолжив крыть матом всю округу.

- Да дерни его сильнее, двумя руками! Резче!

Кастет только лязгнул в мою сторону зубами.

Ничего не поможет. Двигатель заглох сразу же. Еще и мы ступили, несколько секунд просто сидели и смотрели на гибель машины, не сразу осознав, что произошло... Ряска уже подходила

к баранке. Утопла морда вместе с электролебедкой, вот уже и капота не видно. В изумрудной жиже скрылось откинутое вперед ветровое стекло, и трясина срыгнула зеленым пузырем еще раз.

Толковой всех, как мне показалось, с самого начала спасательной операции работал Сухов. Пацан успел снять с заднего борта джипа моток запасного тонкого тросика, цапанул им за корму и теперь обматывал другой конец вокруг толстеного дерева с низкими раскидистыми ветвями – такое, пожалуй, и грузовик выдержит.

- Не снимается!

Засада! Еще одна мина!

Вот зарекались мы в дальних рейдах испытывать новации наших изобретателей из ВПК! Был уже печальный опыт инноваций, но, видать, мало дуракам учебы. По мне, так вертлюг в «виллисе» вообще не нужен, а уж если захотелось Кастету, надо было сделать самый простейший, с обрезиненной вилкой, хватило бы за глаза... Но немецкие оружейники, которым всегда хочется чего-нибудь наворотить – не могут они по-русски! – в посылочке с севера передали усовершенствованную, что называется, конструкцию вертлюга. Внедрили кулачковый зажим, на первый взгляд вещь вполне удобную. Гнутый рычаг. Выжал его вниз – стакан фиксируется на оси. Пулемет свободно крутится и в то же время не выскакивает ни при каких обстоятельствах. А снять, уверяли они, можно мгновенно.

Вот и сняли. Ну, Евгений Иванович, удружил...

Нет, свой родной MG-42 я потерять не могу.

- Эксцентрик заклинило! – крикнул Костя. Очень нервно.

Хваленое качество немецкой механики, мать твою!

Если за пулеметом перед происшествием был бы я, то «крестовика» на турели и не оказалось бы. Мне гораздо удобней держать его на корме машины в межколесной нише, по мере необходимости перекидывая по бортам, да и с руки запросто могу, если нужно. Но в момент катастрофы у дуги находился Данила, и поэтому «крестовик» – а в Великую Отечественную войну «эмгэшку» порой называли «крестовиком» за характерный и очень впечатляющий крестообразный выплеск дульного пламени, – остался на турели.

Все сошлось хреновым клином, все встало против нас.

- Че застыл, спрыгивай! – резко приказал я другу.

- Куда тебе лезть, утопнешь вместе с «виллисом», – запыхтел комсталк. – Ты с бревном что-нибудь сделай!

По-доброму не став напоминать, куда он мне только что советовал это самое бревно впихнуть, я заорал чуть громче:

- Брысь! Время!

И он спрыгнул. Вот же легкий, гад, под Луневым вязкий слой на краю трясины почти не прогнулся.

- Эксцентрик, похоже, закусило его намертво! - повторил подсказку Костя, после чего перешагнул через начавший натягиваться трос и зачем-то взял в руки отброшенный мной в сторону дрын.

- Ага, шас прям буду разбираться еще с ним... - выдохнул я себе под нос и добавил уже громко: - Оглядывайся, шумим!

Рычаг действительно заклинило. Как это могло произойти? Ну же ты, сучара такая, гитлеровская! Схватившись обеими руками, я яростно потянул пулемет вверх, внутри стакана что-то хрустнуло, он перекосялся, по сварке пошла косая трещинка.

- Миха, быстрее же, ты тонешь! - с дрожью в голосе предупредил Костян и ругнулся матом, вытягивая вперед дрожащую лесину с мокрым снопом обломанных веток. Я кое-как переступил на ощутимо уходящем вниз полке, стукнулся коленом о канистру и развернулся лицом к корме. Так попробую.

Быстро оглянулся. Трос натянулся тугой струной, но джип продолжал уходить в болото. Зря Сухов старался все сделать быстро и качественно - не поможет. Кирпич просто привязали веревочкой. Кирпич продолжает падать, но уже на привязи.

Раз, два, три! Рвем! Мышцы предплечий свело резкой болью, в сухожилиях сильно кольнуло, я что-то проорал, тоже выматерился, рванул что есть силы, и «крестовик» оказался у меня в руках!

Есть Сталинград!

- Лови!

- Поймал! - откликнулся Кастет.

Где тут сумка пулеметная?

- Сумку держи! - нервно крикнул я, потому что пол под ногами проседал.

- Принял, да прыгай ты!

Уж медлить не буду!

Хрясь еще раз! Теперь я вывалился, улегшись частью туловища на ветки дерева, Кастет подскочил, тут же хватая меня за плечевые ремни разгрузочной системы, потянул. Все обвесы вздыбились, как у салажонка. Плечи поднялись, край рации ткнул подбородок. Я с силой толкнулся ногами, и мы вылезли. После моего толчка несчастный «виллис» обиделся на всех окончательно и полез в трясины гораздо бодрей. Привстав, я прикоснулся локтем к струне дрожащего тросика, продолжая тупо смотреть на место будущей могилы любимого транспортного средства группы. Ну, хоть трос его подержит, глядишь, потом что-нибудь придумаем, как-нибудь вытащим. Когда-нибудь. И чем-нибудь.

Куда там!

- Ложи-ись! - истошно закричал от дерева Данька Змей, и мы с комсталком в мгновение ока рухнули, как под обстрелом.

Дзынь! И неприятный свист, щелчок, шорох веток.

- Вы там целы? - тревожно осведомился мальчишка.

Мы встали, поправляя амуницию и вяло отряхиваясь.

- Живы, трахома, - ответил Костя, рукавом пытаюсь стереть с морды липкую зеленую грязь. - Ты как?

- За стволом укрылся. - Сухов уже подходил, зло мотая сжатым кулаком из стороны в сторону. - Крепко хлестнуло, так и башку можно потерять.

- В таком положении не снесет, - возразил я не совсем вовремя.

- Да иди ты в задницу со своими знаниями, Гоб, - огрызнулся пацан, не меньше нашего обозленный на ситуацию.

Приплыли.

- Все, парни, теперь авто не вытащить, - уныло поведал Кастет, будто остальные и сами сообразить не могли. - Тут не озерцо, не нырнешь.

Мы разом, друженько так посмотрели на трясину взорами дебилов, питающих надежду. Да, тут без вариантов, надежда напиталась досыта и сытая убралась восвояси. В болото никакой водолаз не полезет.

- Подложил нам Дугин свинью с рацухой, - проворчал я, растирая запястья.

- Да при чем тут Евгений Иванович, Миша, это ребята Ганса Грубера наизобретали, - тихо поправил меня Данька. - Хорошая, в принципе, идея.

- Очень. А если бы я не смог сдернуть?

- Ну, сдернул же, на то ты такой кабан у нас и уродился, - улыбнулся мне Сухов, стаскивая хлопчатую бандану и вытирая ею пот с лица.

Кабан? Оборзел молодой. Только руками развел, лаяться и мне не хотелось.

- Ну, что сказать, юбилей у нас, парни, поздравляю! Уже третий «виллис» потеряли за историю группы! - с каким-то злым весельем неожиданно сказал Кастет.

- Да ладно, может, еще вернемся с техникой, цапанем с хитростью...

- Ты сам-то в это веришь, Змей? - оскалился Лунев.

Мальчишка не верил, я тоже. Все, утопили и утопили, задание от этого не отменяется. Комсталк, что-то недовольно бормоча себе под нос, огляделся, выругался и принял решение:

- Значит, так, бойцы... Мы с Суховым проверяем имеющуюся наличность имущества и разведываем берег протоки, хорошо бы подобрать какое-нибудь подходящее плавсредство, Даня говорит, вроде бы через кустарник он что-то похожее успел заметить на берегу. Точно видел?

- Летели быстро, - тут же подстраховался пацан.

- Да уж, нашумели мы по пути... Криво все как-то. Сомов!

- Я!

- Знач, так. Давай, двигай по колее, оцени обстановку. Как бы речники после геройского прорыва неизвестных по следу не пошли. Закрой там все глухо, а заодно и разведай, мы на связи.

- Есть, командир, сейчас соберусь, с оружием решу... - Я с сомнением посмотрел на карабин. Стоит ли еще и его тащить с собой, ведь пройтись придется подальше. - Костя, пожалуй, возьму MG-42. Только сильно перегружаться неохота, поэтому ты моего «тигра» прибери пока.

Что осталось к пулемету? Два барабанных магазина югославского производства в форме усеченного конуса, так называемые «кексы», хранящиеся в металлическом ящике-переноске. Запасная возвратная пружина, еще кое-что по мелочам, пять пустых лент-пятидесяток. Еще один кекс стоит на пулемете. Остальные пять полных магазинов и двести патронов рассыпью ушли в болото вместе с машиной. Все, что нажито непосильным трудом... Переноска мне не нужна, остальное возьму.

- Ну, я пошел. Быстро не управлюсь. А насчет «криво» мне понравилось.

- А? Мишка, действительно, ты подальше пройди, без лени. И больше не криви, полна коробочка. Попробуй вычислить, откуда в нас стреляли и кто. Что-то тревожно мне.

Тревожно? Я не стал спорить с командиром, хоть и подумал, что он перестраховывается.

Проверил на поясе кобуру со старым добрым пистолетом «Люгер-парабеллум», хотя с некоторых пор все чаще считаю, что разумно носить короткоствол калибром побольше. Просто привык именно к этому, уж больно много воспоминаний с ним связано. Затем осмотрел ремень переноски пулемета, один конец которого крепился к кожуху ствола, а другой к пистолетной рукоятки. Проверенная машинка, лучший единый Второй мировой. К нему бы еще легкий пластиковый контейнер под ленту... Все не соберусь добыть.

Поправил за спиной рюкзачок-однодневку, куда вытряхнул содержимое пулеметной сумки, и загундев себе под нос известную мелодию, пошел в обратном направлении. Туда, откуда мы так лихо приехали и где попали под обстрел.

- И с налета-поворота по цепи врагов густо-ой...! Застрочил из пулеме-ота пулеметчик молодой!

Вообще-то у меня своя песенка есть, ходовая. Но не для чужих ушей. Немножко недоделал. Начинается она так: «Давлю клопов на тропке, все звери что-то робки». А дальше пока не придумал. Вот сейчас и допилю.

- Гоб!

Оглянулся. Лунев, болезненно скривив морду, шевелил губами и медленно качал головой, какое-то время словно решая, разозлиться ему или плюнуть.

- Ладно, вали. Ты бы нам хоть конфеток своих подкинул, скупердяй.

Я остановился, залезая левой рукой в бездонный карман со сладостями, опытно вытянул четыре штуки и аккуратно кинул их комсталку. Реакция у Лунева отменная: Кастет умудрился

поймать сразу все, не уронив на землю ни единой.

- Чего жмешься, мог бы и побольше выделить, - как-то грустно молвил он, словно обрезая конец фразы и не сказав «на прощанье».

- Перебьетесь, не дети. Ну, покада, не вешайте нос тут, усе будет тип-топ!

Командир, с трудом сдержав скептическую улыбку, все-таки плюнул натурально, лишь махнув вслед рукой.

А мне пофиг. Раздвинув ветки молодого кустарника, более светлого, чем по соседству, где прошел джип, я посмотрел на следы колес и направился по ним, держась в трех метрах от стены зарослей, внимательно приглядываясь и прислушиваясь.

С животным миром на местности сложно, сплошная загадка.

Теоретически примерный список ожидаемой фауны южноамериканского типа, встречающейся в долине Амазонки нижнего и среднего течения, группе известен. В зарослях гадских тугаев можно ожидать диких кошек, на полянках и террасах рек - своеобразных луговых собачек и кенгуровых крыс. Если с берега есть выходы на саванну, то там гарантированно болтаются койоты, крупные пумы и антилопа-вилорог. В прогреваемых влажных сельвах бегают мелкие и крупные обезьяны всех мастей, очень я опасаясь этих тварей. Ягуар, тапир, муравьед, сумчатый опоссум, древесный дикобраз - полный набор экзотики... Конкретно здесь местность заболочена, а на таких участках русла хозяйничают пресмыкающиеся, тот еще подарок: огромные игуаны, василиск, ядовитый ядозуб, черепахи и змеи. И кайманы, кол бы им в дышло! Этих хищников я сильно опасаясь, чуть не сожрали как-то, сволочи, нужно быть внимательным. В смешанных лесах предгорий - черный медведь, весьма вероятно встретить рысь, но до гор отсюда далеко.

Здесь находится зона странного гибрида эстуария и дельты большой реки, впадающей в Амазонку существенно выше по течению Кайенны с запада, то есть устье притока находится на левом берегу великой реки. В памятке написано, что такое эстуарий. Это затопляемое в паводки устье реки с одним рукавом, узкий залив в форме воронки, расширяющийся в сторону моря или старшей реки. В последние годы термин употребляется в более широком смысле: так начали обозначать различные существенно изолированные от моря акватории - лиманы и лагуны. Устья в виде эстуария имеют, к примеру, реки Енисей, Обь и Амур.

Противоположность эстуария - дельта, устье, разделенное на несколько протоков, как на Волге. Но тут имеются и лиманы, и целая сеть протоков, куча больших и малых островов, сам черт ногу сломит...

Настоящий водный мир.

Вдали за протокой над кронами деревьев серела какая-то непонятная конструкция, напоминающая водонапорную вышку, я еще подивился, когда подъезжали к поляне, - чего это она тут торчит? По разведанным, сколько-нибудь крупного поселения в локации Речники нет, аборигены предположительно живут своеобразными семьями, укрываясь в корпусах судов.

Кастет то ли в шутку, то ли всерьез предположил, что это мачта старого французского броненосца - мол, когда-то в Интернете наткнулся.

Тему разработки локации Речники впервые приподнял именно я.

Дело было в сонном Доусоне, поликластере, стоящем на правом берегу Амазонки к югу от Форт-Росса, от Старого Порта по воде до него двадцать четыре километра. Веселый, скажу я вам, городок, только начавший перерастать стадию Дикого Запада. Там и в окрестностях всегда живенько, потому что горожане постоянно бодаются с Кайенной, это поселение выросло уже на нашей стороне реки, на несколько десятков километров выше по течению. Но и в самом Доусоне все непросто. В деле изначально было три группировки. Основных две: банда Каспера, год назад потерявшая право сидеть на терминале, и бригада Бледного Билла, сейчас за исполнение Главного Договора отвечает эта группировка. Договор между ними не туфтовый, бумага скреплена подписями всех живущих в Доусоне людей, поэтому каждой бригаде у руля нужно стараться. И тех и других мы знаем, притерлись без особых увечий.

А вот третья сила, группировка Фабиана Малайца «речники», раньше, как рассказывают старожилы, тоже активно участвующая в борьбе за власть, куда-то подевалась. Эта банда была несколько слабее основных претендентов на власть, хотя постоянно караулила удобный для захвата терминала момент. Сам же терминал работает на предъявителя – кто встал за пульт, того и ништяки. Кроме того, на терминал всегда готовы покуситься сильные общины объединившихся пятнашек.

Про речников люди рассказывали очень редко и немного, тут вообще очень быстро забывают ослабевшего и отступившего хищника. Слышал пару раз, что они с давних пор осели на своей базе где-то далеко выше Кайенны, в предгорных лесах берега Амазонки. Затем что-то случилось, и речников смыло с политической карты региона, в рейдах мы с ними не сталкивались ни разу. Потапов предполагал, что именно речники и могли наведаться непрошеными гостями, когда Форт-Росс только обживался, потому что ни о каких аналогичных походах на север братвы Каспера или Билла агентуре Спасателя ничего не было известно. Но это было лишь предположение, не подтвержденное разведанными.

В одну пятницу мы крепко накатались местным вином с моим приятелем Бонанзой, у него же и заснули, однако отдохнуть не получилось. В час ночи на улице началась пальба, кто-то пару раз пробежал под окнами, а у перекрестка пьяные сволочи долго орали на разных языках. Я ворочался, злился, чувствуя, как начинает болеть голова, а уснуть все никак не мог. Под утро поножовщина прекратилась, все стихло. Вроде бы закемарил, но тут приперлись дружки Бонанзы, начавшие барабанить в дверь...

Оказывается, на реке кто-то перехватил байдю с грузом, и теперь им, видите ли, требуется небольшая банда для разборок. Зарывав от реальной злости, я громко послал всех к черту. Поспавший так же мало, как и я, Бонанза отвертеться не мог, такое тут не в понятиях. А меня с собой не позвали: на реке все знают, что Форт-Росс никогда не ввязывается в местные разборки.

В то тяжелое субботнее утро я начал обход поселка с недорогой таверны «Подмышки», на первом этаже которой, кроме подслеповатого Прилипалы Боба, тоже страдающего головной болью, никого не было. Заглянул – елки-палки, тихо, пыльно и грустно... Бобка, которого поедали скука и одиночество, увидев меня, обрадовался, затащил за столик, пообещал скидку, и мы с ним в течение часа дружно поправлялись белым винцом. Кастет должен был приехать за мной только на следующий день, так что этот был свободным, настоящий выходной.

В какой-то момент вниз спустились две заспанные и помятые певички-танцовщицы, а по совместительству и официантки, с ворчанием начавшие уборку помещения. В общем, скучно мне было, веселая культурная жизнь в Доусоне начинается только вечером.

К обеду я перебрался в более популярную таверну «Бомбей Пегги», что находится на западной окраине Доусона, где сразу зацепился языком с милашкой Деборой, невысокой официанткой заведения, девицей приметной – с левой стороны на пояске официантки всегда висит крошечная кобура белой кожи с дерринджером внутри. Да... Поначалу я ее опасался, хотя постоянно хотелось шлепнуть милашку по аппетитному задку. Потом приспособился, когда никто не видит. На меня Дебора не рычала. Ближе к вечеру в зал вышла чем-то озабоченная Герта Изумрудный Зуб, хозяйка «Бомбей Пегги», вся в любимом ярко-зеленом. Я кивнул ей, махнул рукой двум охранникам: однорукому амбалу и тощему азиату-живорезу, и сразу отвернулся к собеседнику, чтобы Герта не изменила своих деловых планов. Неровно она ко мне дышит, неровно, как бы опять соблазнять не начала. А я могу быть нестойким.

Стоп. Тут мы с деталями завяжем, потому что Герта этих записей точно никогда не прочтет, а вот Светлана Туголукова, врач Форт-Росса, вполне может.

Короче, поболтал я там с довольно интересным человеком. Ну, как поболтал... Тамошний Монгол так же немногословен, как и наш, сталкерский. На противоположном берегу реки, через вытянутый остров, поросший низким кустарником, на узкой протоке находится местечко, которое так и называется – Урочище Монгола. А он – старший в маленькой семейной общине. Тамошних жителей очень не любит Бонанза, считающий, что все они козлы, обманщики и стукачи. Поссорились они после того, как Монгол якобы не заплатил Бонанзе за починку лодочного мотора, но я не парюсь, приятель мой сам нагреет кого хочешь, так что его характеристики людям нужно делить на шестнадцать.

Конечно, никакой он не монгол, хотя и похож личиной, а обыкновенный индеец-ирокез. До знакомства с ним я искренне считал, что все американские индейцы, как и представители наших северных народов, в принципе не могут пить крепкие напитки, сразу теряя берега и маяки. Оказалось, что некоторые могут, и еще как! Ирокезов, кстати, я тоже представлял несколько иначе. Побрутальной лицом.

В таверну краснокожий заявился не просто так, а с намерением капитально обмыть новое приобретение. Пароход он купил, ни много ни мало! Я сразу сделал стойку. Бесхозные плавательные средства на реках в наше время встречаются очень редко, мне ли не знать... Основную часть таких подарков от Смотрящих люди давно прибрали к рукам. Однако за последний месяц на реке начали появляться новые разномастные лодки, правда, без двигателей. Этот случай оказался четвертым из известных группе – тут уже мимо проходить нельзя, надо было разбираться, откуда дровишки.

Естественно, мне срочно требовалось посмотреть, что же именно досталось счастливицу, и ирокез получил предложение, от которого ему было трудно отказаться. Монгол – человек небедный, но скупой до крайности. Так что от приглашения обмыть покупку, да на халяву, он в принципе не мог отказаться, проверено. Ударили по рукам и уже через несколько минут спускались по береговому откосу к причалам.

Покупка меня впечатлила, да так, что аж зубы закричали.

Моему взору предстал хорошей сохранности девятиметровый баркас с неплохим паровым двигателем, небольшое судно размерами чуть больше нашей милашки «Королевы». Все сделано толково. Прочный железный корпус, проклепанный и частично обшитый деревом, с закрытым кокпитом и высокой мачтой на растяжках и черной трубой. Рундуки, трюм под кокпитом, все на месте. Растаявший при виде своего сокровища индеец прямо на причале признался, что деньги копил давно, а судно купил у тех самых речников, в последнее время начавших торговлю малоразмерными судами. Пароходик он покупал не в Кайенне, как я

подумал. Сделка состоялась еще выше по реке, в некой деревеньке Асуан, крошечном затрапезном поселении, о существовании которого мы что-то слышали, но заинтересованно туда еще не наведывались. И зря! Оказывается, буквально за последний год эта деревушка в три дома благодаря бойкой торговле превратилась в настоящий поселок, если не городок. Они, асуанцы, и имеют дело с речниками, выступая посредниками и перекупщиками.

Ну что, посмотрел я внимательно, постучал по корпусу, поднялся, трубу пошатал, даже в кубрик заглянул – хороша посудина, зараза такая, хоть угоняй! Восторг мой не остался незамеченным: прочитав на моей роже что-то подозрительное, Монгол тут же заволновался и скоренько так потянул меня наверх. Мы вернулись в кабак, посидели под хорошую закуску, но большего я вытащить из собутыльника так и не смог – ирокез честно ничего не знал, кроме тщательно скрываемой цены вопроса.

По возвращении я доложил обо всем Кастету, тот выше, и дальше темой занимался уже Потапов. Как шли дела, не знаю, не интересовался, так как группа через три недели отправилась в рейд на восток, где, как говорили наиболее отчаянные скитальцы Доусона, на тамошней магистрали сидела большая община объединившихся пятнашек из Китая, Тайваня и Монголии. Однако направились мы не к ним и не по суше, а вдоль берега, гораздо дальше, где нас и ожидали всякие приключения... Но это совершенно отдельная история, может быть, как-нибудь расскажу и ее, если эксперимент с писаниной окажется успешным.

Вернулись через полтора месяца, а Потапов тем временем через двух посредников уже купил у речников маленькую самоходную баржу. Взял в том числе для понимания схемы, разведки и оценки качества ништяка, непонятно каким образом появившегося в распоряжении исчезнувшей было общины. На этой барже мы сюда и добирались. Ничего хитрого, два подвесных мотора «Эвинруд» на корму плоскодонной каракатицы, «виллис» на борт – и вперед. Еще и место на палубе оставалось, хоть второй джип рядом ставь, а то и третий. Судном управлял многоопытный капитан «Королевы» Эйнар Дагссон, бывший столяр из города с непроизносимым названием Свидисфьердюр, мебельщик, по-нашему краснодеревщик, и рыбак. Сейчас он ждет возвращения группы в потаенной бухте: такие рейды не для него.

Богато магистралей нарезали Смотрящие по всей Платформе-5, богато... На северном материке чаще всего это многослойные, отлично уложенные и утрамбованные грунтовые дороги, где через каждую речушку перекинут крепкий каменный мост. Здесь, на южном материке, в чащобе и сельве немало дорог с каменным покрытием, иначе местная буйная растительность давно бы их сожрала. Вымощены они гигантской, словно великанами выложенной, брусчаткой, камнями настолько больших размеров, что вывороченный плоский экземпляр одному поднять невозможно, даже я не способен на такой подвиг. Однако большая часть трасс либо еще не разведана, либо непроходима для автомобиля. Эти дороги завалены упавшими деревьями, так что без бензопил там делать нечего. Грунтовки тянутся и вдоль берегов рек.

Лично я исполнителям проекта Смотрящих при встрече руки поотрывал бы к чертям собачьим, а лучше бы головы. По идее, каждая такая магистраль должна быть проложена логично: соединять базовые населенные пункты, выводить к озерам, приводить человека к чему-то интересному, значимому. Не тут-то было! Отличная магистраль сплошь и рядом упирается в скалу или глухое болото, заставляя пешеходов и владельцев автотранспорта глупо хлопать глазами и чесать затылки. Вот как сейчас, например... Мы знали, что такая дорога идет и вдоль левого берега Амазонки, уходя на юг за Кайенну. Разведывательный рейд показал, что ожидания напрасны, все сведущие люди Кайенны в один голос уверяли, что больше десяти миль выше по течению Амазонки мы не проедем, потому что дорогу преграждает

двухкилометровый завал, последствие старого урагана. Не пропилена трасса, как у нас говорят.

Поэтому комстакл принял решение отправляться вверх на барже, а уже там найти место, подходящее для десантирования, после чего двигаться на джипе.

Вот мы и додвигались... Криво.

Плавсредств в Мертвой Бухте просто уйма.

Признаюсь, эту памятку, или, как сказал Бикмеев по-умному, меморандум, в первый раз я читал через лист. В группе, чай, командир есть, вот он пусть и штудирует, ему по должности положено, а я не краевед. Кастет и проштудировал, потом рассказывал нам в таких красках, что вторая моя попытка усвоить этот документ оказалась гораздо удачней.

В общем, так. Локация Речники – это грандиозное кладбище кораблей, в основном конца девятнадцатого – начала и реже первой трети двадцатого века, похожее на речные затоны при судоремонтных заводах, но сильно размазанное по всей площади локации. Нечто вроде тех, что существовали на Кольском полуострове. Кастет, побывавший в тех земных краях, ожидает увидеть именно это – кладбище.

Мне же почему-то видится Бизерта. В Тунисе много лет назад я прожил чудесную курортную неделю, все понравилось, за исключением того, что меня угораздило приехать в эту страну Магриба как раз тогда, когда на пляже отеля, где я жил, террористы напали на отдыхающих. Прямо с моря высадились, с надувных лодок. Но меня в этот момент на территории не было, по наводке соседа по номеру уехал смотреть эту самую Бизерту, и хорошо. Пацаны потом шутили, что террористам крепко повезло.

Городок понравился мне настолько, что я не поленился детально познакомиться с его историей. Плиний Старший, знаменитый римский ученый и историк, если кто-то не знает, назвал Бизерту «безмятежным городком, ревностно берегущим свой покой и привлекающим многочисленных римских вельмож свежестью климата ласкового лета». Основанная финикийцами задолго до Карфагена, портовая Бизерта издревле играла важную роль благодаря уникальному месторасположению. Ни одно судно, пересекавшее Средиземное море с запада на восток или с востока на запад, не могло да и не собиралось миновать гостеприимную гавань. Старый порт надежно укрывал от непогоды всех гостей, с какими бы намерениями они ни посещали этот уголок.

Народы звали город по-разному: Гиппон, Акра, Диаритус, Бензерт, Бизерта. Как и большинство городов Средиземноморья, Бизерта пережила множество войн. Финикийцы, пунийцы, ливийцы, варвары, арабы, испанцы, турки, французы – все оставили след в ее культуре, образе жизни и даже в цвете кожи коренных жителей.

В кафе «Бача» с видом на загогулину гавани Вье-Порт, куда я зашел пообедать, мне под чашечку крепчайшего кофе рассказали, что начиная с XVI века Бизерта стала настоящей пиратской вольницей, разгульной, бесшабашной бандитской базой. Местные даже гордятся, что интернациональные корсары добавили в кровь горожан перца, по-своему обогатили историю города, снискав ему своеобразную славу, и при этом такое наследие не сделало его жителей жестокими. В XIX веке пиратов изгнали, и город зажил степенной и размеренной жизнью рыболовов и земледельцев. Говорят, когда-то там было множество забитых судами и суденышками узких каналов. В бесчисленных гаванях теснились, а порой и громоздились друг на друге рыбацкие и пиратские суда, их подпирали бортами строящиеся и ремонтирующиеся

посудины, отдельно хранились корабли, подготовленные к торгу за выкуп.

В конце XIX века всю эту прелесть безжалостно засыпали, прорыв один широкий канал, ведущий к большому внутреннему озеру. На громадной искусственной насыпи был построен современный город и новый порт, мгновенно ставший еще и военно-морской базой. Но Бизерта осталась в памяти людей как сказка Востока, воплотившаяся на юге Средиземноморья, и как прелестная, еще не совсем утерянная африканская Венеция. Глядя на современную Бизерту, я вслед за современниками этих уничтоженных тоненьких артерий представлял маленький белый городок, который отражается в воде уснувших к вечеру каналов. А те романтично так мерцают в мягком свете звезд, огнях базаров, таверн и жилищ...

Вот такая Бизерта. Кладбище и локалка.

Суда с более или менее сохранившимися дизельными двигателями там если и встречаются, то достаточно редко. Источники утверждают, что в локации можно найти и насквозь проржавевший крейсер времен Цусимы, и не очень прогнивший буксир времен Первой мировой... По предварительной оценке, Смотрящими переброшено в бухту не менее трех сотен кораблей, причем как мелочи, так и крупных. И все они стоят в этом эстуарии-дельте, на берегу или в воде.

Водная площадь Мертвой Бухты - это еще одно из услышанных нами названий места - большая. Скажем, размером с половину Выборгского залива, но, в отличие от него, она почти замкнута. Посередине сильно вытянутым овалом рассыпана гроздь островков покрупней, рядом хаос более мелких, парочку таких мне видно и сейчас, хотя разглядеть что-то через заросли очень трудно. И кругом суда! Полузатонувшие, но еще не сгнившие посудины, упавшие набок, на проклепанные железные листы нанесена земля, где-то через отверстия в корпусе даже кустики проросли... Имеется откровенный металлолом и странные металлоконструкции, вообще не относящиеся к флоту.

В памятке отдельно зафиксирован интерес к возможному нахождению в Мертвой Бухте остатков военных и не только судов русского Черноморского флота, бежавшего в Бизерту из Крыма в 1920 году, Смотрящие этот исторический факт вполне могли обыграть.

Плотность ништяка ожидается разная. Где-то повышенная концентрация металлолома, а где-то лишь отдельные корпуса, слабо различимые среди деревьев. Смотрящие в паспорте этой локации написали бы так: «Степень техногенности среды - высокая». Бóльшую часть железа уже и отжимать не имеет смысла, настолько оно прогнило, а многое и вытащить невозможно. Зачем все это сделано? Складывается такое впечатление, что в этом месте Смотрящие поместили материальный ресурс для какого-то крупного индустриального поселения, запланированного к реализации на берегу Амазонки, но по неведомым причинам так и не состоявшегося.

Для диких поселений, находящихся в стадии становления, этот загадочный эстуарий - отличное универсальное убежище, среда в нем чем-то даже сродни городской. Само же развитие групп в таких условиях будет носить характер весьма своеобразный... Второй раздел методички и был посвящен моделированию способов существования и развития людских поселений в таких условиях. Кстати, условия для мародерки здесь, пожалуй, тоже нестандартные: ведь она проводится не на земле, а по палубам и трюмам кораблей, в том числе и полузатопленных. Эх, мечта! Коммерческие пароходы, безмянные плоскодонные баржи, крошечные пассажирские пароходы, утерявшие надпись на борту паровые сухогрузы, да мало ли!

Размеры кладбища таковы, что людьми не исследована и четверть его акватории, чем и объясняется позднее появление даже первых скурых сведений о Речниках. Локалки и прочие ништяки необычны, корабельного характера. Это вам не рубленые избы в сосновом бору, а помещения в надстройках и закупоренные, неплохо сохранившиеся судовые отсеки! Например, стоит в протоке древний прогнивший насквозь сухогруз, с виду абсолютно ржавый, а боцманская каютка – на тебе, чистенькая, целенькая! Полна краски, снастей, инструмента, обтирочных концов и всякого полезного по мелочи. Или, к примеру, офицерская каюта. Или баркас под шлюпбалкой. А то и погреба артиллерии, если таковая есть.

Больше всего здесь находится парусников и паровых судов, о существовании дизель-электроходов или турбинных машин пока ничего не известно, вроде бы попадаются небольшие дизельные посудины, но редко.

Уголь лежит в бункерах, танках. Специальных нефтеналивных судов, по уверениям источника, здесь нет вообще. Суперпризы – затертые в толчее мертвых корпусов исправные кораблики, как с консервации. Особую ценность представляет некоторое количество малых паровых двигателей, силовые машины пароходиков и паровых катеров. Даже старые, негодные посудины в этом плане интересны, есть что с них снять и с чем вдумчиво поработать. Но и их угнать непросто. Проблема состоит не только в том, чтобы просто раскочегарить паровой баркас, но и в том, чтобы, не имея карты или фотоснимка, сделанного с воздуха Эльзой Благовой, по сложнейшему фарватеру вывести добычу на открытую воду. Полетала Эльза пару дней по прибытии на Амазонку – и встала на капитальный ремонт... Мы ждать не можем, да и непросто ей на такую дальность мотаться.

Но и первой причины, чисто технической, уже вполне достаточно. Паровая техника – даже для рукастых попаданцев темный лес. Тут нужна спецлитература, чертежи, инструктаж, практический опыт, письменный или устный.

Теоретически здесь могут встречаться небольшие шаланды и катера с автомобильными двигателями, оснащенными газогенераторами, это вполне реально, сугубо местный, специфический девайс... Стратегически ставка на использование газогенераторов – это решение от бедности, кризисное, вынужденное, так сказать. Тупик, нужно осваивать более производительные технологии. Но тактически – не такое уж и тупиковое дело. Внедрение газогенераторов позволит активнее использовать автотранспорт при дефиците жидкого топлива, а для небольших сообществ такая технология вообще золотое решение, особенно если нет возможности пользоваться благами локального НПЗ или таскать бензин поставками... Могут встречаться и простые моторные лодки – ведь начали же они появляться в Доусоне!

Глобальная тема. Но это задача не для сталкеров, а для мощностей завода или хотя бы хорошей мастерской с оборудованием и квалифицированным персоналом. Возможностям той же Манилы глубокая переработка ништяка точно не по зубам. Тут требуется серьезная металлообработка и слесарка, а развитие рядом с подобным развалом металлообрабатывающих ремесел может дать серьезный и вполне логичный толчок к появлению на Платформе нового промышленного кластера. И что, мы можем такое пропустить мимо глаз и ушей?

Здесь экспансией пахнет, вплоть до войсковых операций.

Кстати, в Речниках должен быть и определенный информационный ресурс, валяющийся по каютам: книги, инструкции, технические описания.

Берега внутри локации заболочены не так сильно, а по ним – леса, но не джунгли. Дело в том,

что река, названия которой мы пока не знаем, приходит к Амазонке с обширного горного плато, но горной назвать эту реку нельзя – слишком она широка и полноводна. Скорее всего, там есть большое озеро-накопитель. Соответственно благодаря относительно малому пробегу по долине вода в реке еще чиста и прохладна. Это и определяет микроклимат места. Лес по берегам стоит густой, плотный, колесные средства передвижения тут буквально не покатят, даже квадроциклы, вернее всего, покатят лишь по берегу основного русла и пары длинных узких островов, – так мы сюда и попали.

Главные опасения уже не подтвердились. Здесь не так уж и влажно. Сразу скажу, что влажные джунгли – полная задница, штука очень некомфортная. Нечисти всякой навалом. Мало того что москиты жрут человека так, что даже тайга отдыхает, еще и рельеф всегда сложный – вверх-вниз, под ногами мокрая и скользкая листва, грязища, за шиворот постоянно лезут ветки. И естественно, душная жара за тридцать. Там хорошо лишь тогда, когда солнца нет, и там, где за счет крон сплошная тень.

Соседи по Амазонке о Мертвой Бухте знают, но все попытки наиболее любопытных людей пробиться на квадроциклах, как и выйти из нее сушей, оказались безуспешными. Поэтому в локации особо ценны любого рода плавательные средства, а сама жизнь здешних обитателей почти во всем ориентирована исключительно на воду. Локальные грунтовки, начинающиеся именно здесь и не имеющие сопряжения с другими дорогами, на расстоянии полсотни километров в обе стороны их не интересуют. А вот нас здешние автодороги очень интересуют. Необходимо изучить, в окружении чего именно находится локация, и попытаться понять, для чего она вообще поставлена тут Смотрящими.

Местных пятнашек должно быть не очень много, всего пара сотен. Иначе бы жители городов про них знали гораздо больше. Судя по всему, многие аборигены-речники могут месяцами не покидать локации. Живут рыболовством, частично охотой на водоплавающую дичь и мелкое зверье, речным собирательством, огородами, небольшими плантациями, могут держать моллюсковые фермы.

Это огромное корабельное кладбище наверняка обросло своими таинственными легендами, одна уже известна: якобы тут появляются НЛО. Что-то часто в последнее время тарелки поминают, сам такие истории пару раз в Доусоне слышал от не совсем трезвых собеседников. Люди переносят с Земли старые фобии и мифы...

Здесь может быть очень своеобразная, уникальная биосфера, и пока еще непонятно, местный животный мир – аборигенный или привнесенный Смотрящими? Какие тут могут быть синтетические морфы, кого группе стоит опасаться? До первого контакта со здешними обитателями надо быть осторожным вдвойне, и это объяснит любому, почему товарищ Гоблин взял в разведку ручной пулемет.

Речники очень дорожат своим образом жизни и доставшимся им на халяву огромным материальным ресурсом, который, и они это понимают, может заинтересовать очень многих. Наверняка старшины общины это понимают так же хорошо. Поэтому речники всего и боятся, иногда прячутся, нормально организованной торговли с соседями нет в принципе.

Редкий товарообмен с соседями идет исключительно через доверенных лиц, изредка приплывающих сюда авантюристов. Соседи привозят к ним продукты, в основном это мясо и хлеб. Скорее всего, в ходу у покупателей горячее, листовое железо, моторы, кое-какое судовое оборудование и всяческие метизы. Ну, и целые суда, ведь как-то попадают в последнее время на Амазонку парходоики, древние катера без двигателей и снятые с кораблей парусно-

весельные шлюпки... Молодцы эти речники! Восстанавливают и толкают. Опять же по слухам, найденное на кладбище оружие продавать категорически запрещено внутренними порядками речников: за такую контрабанду сразу вешают на рее. Хотя, говорят, случаи поставки огнестрела не так уж и редки, бизнес всегда найдет способы и лазейки. Я не верю в такие ограничения, вранье. Оружие всегда было и будет очень ходовым товаром, такого не запретишь без жесточайших репрессий. А репрессии немыслимы: нет для такого развлечения достаточного количества населения.

Уверен, что с точки зрения Сотникова, который пока что не знает о нашей операции, самым ценным ресурсом Мертвой Бухты станет никак не оружие, не имеющиеся тут в теории пушечные стволы, хотя бы и двенадцатидюймовые, он вообще ровно к оружию относится, а корабельные корпуса, сделанные из качественной стали спокойной плавки. Ценны огромные станины и цилиндры мощных паровиков, трубы и валопроводы, любые металлоконструкции. Имеет смысл загонять сюда большой паром с мощным краном, пару бригад газорезчиков – и вперед, резать, пилить, грузить и вывозить железо.

И вся эта уйма ресурсов в виде бесценного металла, сравнительно годной арматуры, паровых котлов и корпусов – сокровище для больших мальчиков из Большого Кластера, потому что такое богатство может переработать и освоить только Держава. Так что в самом ближайшем будущем Мертвая Бухта может стать настоящим яблоком раздора в отношениях с местными кластерами, причем война, если она случится, будет вестись по большей части на воде.

Речники, конечно, могут какое-то время понтоваться. Но я, простой разведчик, знаю, чем все это дело закончится. Знаю. Они примут новые правила игры или подвинутся.

Эти местные не знают, как выглядит на Платформе-5 настоящая Держава.

Глава 2

Легкое путешествие по змеиной косе

Колея от прошедшего совсем недавно джипа была еще свежей, хорошо видимой на местах влажной траве, издававшей слабый запах смеси сена и реки. Здесь, в этом месте, где еще никто не жил, а похоже, и не ездил, словно сам Дух Платформы поставил на скорую руку приглашающий знак «Свободно!». Поставил и ушел работать над устройством новой планеты по утвержденному Смотрящими плану, скрывшись за недосыгаемыми далями, о которых мечтает каждый нормальный сталкер. Но именно здесь эта непонятная сила почему-то изменила подходы к прогрессорству, открыв в себе такую сторону, что становилось немного не по себе.

Да, отчего-то жутковато. Ничего, так всегда бывает, в новых местах регулярно находишь что-то необычное. В первое время мандражируешь, постепенно привыкаешь, а потом лишний страх уходит, остается только рациональный, необходимый для поддержания тонуса. Пробуждается рабочий азарт, который давно уже не кроется в стремлении найти еще один материальный ништяк, ты занимаешься настоящей серьезной разведкой. Комплексной, с оперативной оценкой перспектив и принятием соответствующих решений по характеру и глубине поисков. Но мне всегда требуется это странное, опасное, щекочущее нервы и вместе с тем греющее душу чувство автономного поиска. Жить без него не могу.

Дорога шла посредине бесконечной косы, разделенной мелкими сезонными протоками на длиннющие острова. В центре свободно, по краям – заросли кустов, скрывающие вид на рукава реки, поэтому мне приходилось то и дело подходить к берегу, раздвигать ветви и осторожно

выглядывать, оценивая ситуацию.

Я попробовал пением вызвать в голове какие-нибудь ассоциации, требующиеся для продолжения и подвижки в творчестве. Однако «Давлю клопов на тропке, все звери что-то робки» по-прежнему не катило. Все варианты следующих строчек получались стебными или неприличными. Нужно придумывать что-то другое.

Здесь растительность не отличается богатством видов. Трава то мелкая, словно на газоне, то почти по пояс, ближе к границе воды. Деревья как деревья, пальм пока не видно, между стволами растут кустики, узкими полосами непосредственно у дороги поросль, если зайти поглубже, густая. Такая, что местами и не пробиться. Под травой то влажный, то сухой песок. По влажному идти неудобно, ноги утопают, так много не находишь, поэтому лучше всего двигаться между следами от колес. Воздух нормальный, не то что в настоящих джунглях, где он сырой, как в парилке, да еще и душный. Если остановиться и прислушаться, то понимаешь, что вытянутая в бесконечность коса полна мелкой жизни – кругом потрескивает, чавкает, сопит и шуршит...

Тогда и я тихонечко обозначусь. Шепотом.

Вот опять иду в разведку
И чешу я репу крепко:
Как бы так ништяк найти,
Чтоб живым потом уйти.

Шел легко.

Мне вообще чаще всего удобней передвигаться на своих двоих, чем трястись в тесных машинах. Так как сам я по воле родителей являюсь двухметровым здоровенным жлобом, ответственно заявляю: такие легендарные внедорожники, как «шевроле-нива», «шишига», ульяновский «козлик» и уж тем более так любимый Кастетом «виллис» сделаны не для меня, на водительском месте я не могу находиться чисто физиологически – ноги не вмещаются! Много есть достоинств у внедорожников, особенно у рамных, но и недостатков хватает. Для меня главный – теснота салона рамного джипа, объем которого заметно меньше по сравнению с кузовными моделями.

Чего я только не перепробовал, подбирая себе в прошлой мирной жизни пригодного проходимца. Gelandewagen модели 2000 года выпуска оказался очень тесным в плечах. Спине было настолько неудобно, что даже час, проведенный за рулем, становился сущей пыткой. Defender тоже не порадовал, я едва ли не выдавливал дверь плечом. Скоро опытным путем выяснил, что подбор машины не то чтобы идеально удобной, а хотя бы той, в которой людям ростом выше 195 см и весом больше 110 кг можно управляться без мучений, есть очень сложная задача. Ноги упираются во все, что можно.

Перепробовав все наши модели и несколько импортных, решил испытать на комфорт американский джип, рассчитывая, что уж американцы-то должны понимать толк в комфорте для больших людей. Не тут-то было! В салоне принадлежащего приятелю «чероки», регулярно нахваливающего свою рабочую лошадку, оказалось тесно. Из-за внушительного центрального тоннеля и в этом джипе для моих ног катастрофически не хватало места, а спинки передних кресел негостеприимно давили на лопатки. Расстроился жутко! Складывалось такое впечатление, что машину проектировали для одноногого пользователя, причем без левой ноги! Ее, несчастную левую, там вообще некуда поставить! Сидеть тоже тесно, я практически упирался головой в потолок. В конце концов, взял УАЗ-Патриот. Но даже там пришлось

переваривать салазки водительского сиденья, сдвигая их на десять сантиметров назад, и не могу сказать, что я добился комфорта.

Так что обаянию рамных джипов я не подвержен. Это малорослики типа Лунева и Бикмеева сразу пищат в щенячьем восторге, увидев армейский «виллис» или «эскудик-паскудик», мне же остается только поморщиться. Даже выбраться после остановки непросто, все затекает! Если недалеко, то проще пешком пройти, честное слово.

- Ничего, прогуляетесь и вы, карапузы, это полезно для здоровья, - проворчал я, рефлекторно оглянувшись, словно злой Кастет мог красться следом и все услышать. Он хоть и маленький, но очень опасный пацан. Многие люди погорели, не понимая этого.

Спор о недостатках рамных джипов - тема, которую поднимать в кругу фанатов не принято, но которую я всегда с удовольствием заряжаю, частенько не без удовольствия доводя фанатичного Кастета до бешенства. Ну а что? Вы замечали, как порой ведет себя рамный внедорожник, вывешенный на скручивание, что бывает, когда ваш рамный Sorrento стоит на неровностях? У него плохо закрывается дверь багажника. И происходит это не только с данной моделью, а почти с любым рамным внедорожником, имеющим слабый по сравнению с вечно охаиваемыми паркетниками кузов в сочетании с рамой, обладающей определенной гибкостью.

Моя заготовка для Лунева такова: рама - штука довольно коварная при столкновении. Те, кто считает, что рамные автомобили в принципе безопаснее в ДТП, очень сильно заблуждаются. Лучшие премиум-кроссоверы, такие, как Range Rover, Porsche Cayenne, VW Touareg, Audi Q7, имеют пять звезд в крэш-тестах, обладая несущим кузовом. А вот рамный Sorrento получил только три звезды. А первые крэш-тесты УАЗ-Патриот, у которого при фронтальном ударе сорвало кузов с рамы? Из-за этого же Sorrento несколько больше козлит и хуже рулится, чем мои предыдущие авто. Причина все та же - рама и зависимая задняя подвеска.

Автопроизводители не просто так уходят от рамных машин и зависимых подвесок, в отличие от фанатеющих по теплым ламповым джипам малоросликов, они отлично понимают, что для повседневной езды от внедорожника прежде всего требуется комфорт, а не дискомфорт. Рама нужна для грузоперевозок, для лютой внедорожной подготовки, хорошей артикуляции подвески и повышения выносливости машины, работающей в тяжелых условиях дикого оффроуда. Что же касается вопроса пассивной безопасности - кузовных машин с лучшей безопасностью в разы больше, чем рамных.

Конечно же все спорно, но зато какой кайф сказать такое Кастету - как сообщить геологу, что нефть получают из динозавров. Бесится страшно.

В общем, о потере джипа я сожалел, но без горьких слез.

День давно перевалил за полдень, скоро начнет вечереть.

Надо бы поторапливаться, впереди как минимум шесть километров пути, прежде чем я достигну того места, где мы на джипе мелким бродом преодолели протоку с песчаным дном и на которую с руганью вылетели вскоре после обстрела. А потом еще столько же придется топтать назад. И сделать это нужно до наступления темноты, потому что для опытного сталкера нет более глупого занятия, чем шатание по незнакомой местности во тьме.

Хорошо в нас из автомата шарахнули.

Где-то там у них стоит передовой заслон, может, даже целое укрепление на воде. Данька

Сухов, едва переведя дыхание после нападения, пошел дальше, начав фантазировать на ходу и выдвигать смелые версии. Ему и артобстрел померещился. Мол, здешняя община сумела привести в действие одну из орудийных башен на брошенном крейсере, и теперь все соседи этого удивительного анклава вынуждены строить отношения на слухах о наличии у речников полных погребов. Наши допускают, что у местных много условно восстановимой артиллерии и боеприпаса. Пусть эти гипотетические погреба залиты водой, но если правильно подойти к вопросу, то кое-что извлечь можно.

И вот якобы напротив главного судоходного канала, на выгодной точке, с которой удобно контролировать вход в эстуарий с Амазонки, сидит на грунте самый настоящий броненосец времен Цусимы и Порт-Артура со сравнительно живой артиллерией малого калибра, мимо не пройти. Нечто типа «Русалки». Полностью оживить его у речников кишка тонка. С трудом дотащили на буксире и посадили для верности на грунт, получив бронированный Форт. Башни развернуты в амазонский проход и на главные острова-косы, заклинены, пушки набиты картечью. Дальше его вообще понесло в фантастику: на бортах стоит еще и 37-миллиметровая мелочь, «гочкисы» и револьверные орудия... Напрасно Костя ему напомнил, что группу обстреляли из обычного автомата, – фантазия у мальчишки разыгралась не на шутку.

Быстро идти нельзя, не на рекорд собираюсь. В такой трудно просматриваемой местности приходится часто останавливаться, приседать, прислушиваться и приглядываться, контролировать запахи. То и дело на глаза попадают разные артефакты. Только что я прошел мимо груды почерневших деревянных ребер, остатков набора шпангоута какого-то баркаса, пару раз попались пустые железные бочки. Брошенные! Такое сокровище, и никому не нужно! Непорядок.

Вокруг ни души. Интересно, в который раз я оказываюсь в ситуации вынужденного оперативного одиночества? Без счета. Зарекайся не зарекайся – опять попадешь в передрыгу одиночного плавания, судьба такая. Ты словно возвращаешься в одну и ту же ситуацию, чтобы испытать то, что припасено именно для тебя...

Есть рифмы! Еще строчки родились!

А пока что, как ни странно,
Нет ни одного каймана,
Только птички, блин, вокруг –
Ни друзей-на, ни подруг.
Скоро я вернусь обратно,
Выпью пива троекратно.
Слушать будете рассказ,
Как я мир от смерти спас.

Еще совсем немного – и должен будет показаться остов крупного судна, мимо которого мы проскочили на машине. Я взглянул на часы. Время идет, а результатов разведки нет. Низкий серый туман окончательно рассеялся, словно где-то рядом включилась огромная вытяжка, поднялся ветерок, полностью открывший причудливо изрезанную в острова плоскую поверхность надпойменной долины со множеством кустов, низких деревьев и остро пахнущей травой, красивой, как на газоне. В небе, освободившемся от клочков белых туч, уже клонился к горизонту бронзовеющий шар солнца. Не жарко, двадцать восемь от силы. И ветерок. Не люблю мест, где всегда безветренно, вообще ненавижу мертвый штиль.

Выгнутая перед плато зеленая равнина, сложно изрезанная рекой, не дает обзора – куда ни глянь, густая бахрома деревьев скрывает горизонты. Но стоит забраться на любую

возвышенность или на надстройку большого корабля, например, и сразу откроется вполне информативный вид на местные красоты. Пространство раскинется живой картой, всплывут важные детали, обозначатся русла ручьев и речушек, проявятся острова, бугры холмов по главным берегам и, конечно, людская активность. Надо бы найти подходящую точку и вскарабкаться.

Какая длинная коса! Можно назвать ее и цепью вытянутых по течению островов, изгибающихся змеей, но коса, мне кажется, точнее.

- Змеиная Коса! - решил я, ставя первый значок на виртуальной карте.

Вот и еще одна бочка, с этой даже краска не облезла. Рядом из песка торчат погнутые арматурные прутья, страшноватые, ржавые, крайние словно чем-то оплавлены, что ли... Ерунда какая-то, не стоит забивать голову. Один хрен, даже у местных никто не знает, что тут происходило изначально. Смотрящие всегда работают без свидетелей.

Я остановился, снял с уставшего правого плеча пулемет, поворочался, разминая суставы, и закинул ремень на левое. Облегченно вздохнув, достал алюминиевую флягу с водой и сделал три жадных глотка. Вот теперь нормально.

Какое-то зверье слышно, но пока не видно. А птички летают, их немало. Порхают с куста на куст, высматривают, чем бы поживиться. Те, что покрупнее, прикидывают, кем поживиться. Но-но! Одинокий сталкер моего класса - добыча точно не для вас.

- Не болтайте никому лишнего, пернатые, головы поотрываю. Помогайте лучше, конфетку дам.

А по ровному берегу все так же нудно и бессмысленно тянулся густой низкий лес.

Лишь пару раз удалось непосредственно от колеи разглядеть что-то другое, кроме зеленой стены, а именно - протоку и высокий берег на противоположной стороне. Бочки начали попадаться чаще. Встретив очередную, я пнул ее ногой. Бочка не завибрировала и не загудела, значит, забита песком, значит, внутри ничего ценного нет.

Затем последовала вообще неожиданная находка. Разорвав пластиковый пакет, я обнаружил там аккуратно сложенный спасательный жилет, сбоку к которому в специальном карманчике прижимался серебристый баллончик со сжатым воздухом, способный надуть жилет в мгновение ока. Ничего себе! Ты-то как тут оказался? Не из девятнадцатого же века... Надписи на английском, свисток, ниппеля на резиновых трубках для принудительного поддува. Оранжевый, все, как положено, изделие для bush pilots, пилотов малой авиации, летающих над джунглями в одиночку. Серьезное, хоть и компактное спасательное средство. Интересно, баллончик не выдохся? Я осмотрел - вроде цел. Не проверять же сейчас...

Допустить, что где-то рядом лежит потерпевший катастрофу самолет, я не мог: не летают тут аэропланы. Какие-то дурные шутки комплектовщиков, сбой программы. В карманах жилета, закрытых на липучки, что-то было! В одном обнаружился простейший складной ножик из нержавеющей стали, конструкция типа «дак-дак». В следующем нашел небьющееся круглое зеркальце, с помощью которого можно прямо с воды подать сигнал спасательному судну, а не пытаться орать, как резаный, сорванным в панике голосом. Третий подарил два тонких хрустящих пакетика с каким-то порошком. Что тут написано? Перевести было нетрудно: «Средство для отпугивания акул, изготовлено на основе уксуснокислой меди...» М-да... Интересно, а от местных синтетических монстров оно спасает? Смело сыпанул твари в морду и жди, когда сработает.

Этот трофей я решил забрать: пригодится при такой нехватке материальных средств. Жилет был грамотно сложен по нужным перегибам, так что, если не раскрывать его полностью, он и останется компактным. Сняв рюкзак, положил находку туда.

До заброшенного судна, оказавшегося речным сухогрузом малого класса, я дошел быстро, никуда не сворачивая с грунтовой магистрали. Магистраль – это, конечно, слишком смело сказано, товарищ Гоблин, не преувеличивай. Запущенная прямая дорога, по которой никто не ездит, с пышными пучками мягкой травы в межколесном промежутке и колючками по обочине, сплошь колдобины. Иногда на ней попадаются лужи и выбоины, хотя чаще – ровные песчаные участки. Прибрежный лес и болотистые кусты с обеих сторон то и дело сжимают узкую колею, и тогда растения тянут к проезжающей машине корявые разлапистые ветви, неожиданно подсовывают под колеса словно специально выскочившие из земли корни... И по башке получить можно, приходится уворачиваться.

Растрясло меня на корме джипа. Нет уж, пешком точно лучше.

Несмотря на приличную ширину дорожной полосы, местами некоторые деревья по бокам разрослись настолько, что сомкнулись кронами, забирая колею в мерцающий на солнце тоннель с золотистыми бликами проникающих лучиков света. Иногда я останавливался и с силой резко встряхивал очередной ствол, имитируя звук, с которым покидает засаду на дереве большая кошка. Сразу же раздавался шорох и треск, ползающие твари: змеи и ящерицы, лягушки и небольшие кайманы – стремглав бежали к воде. Надо признать, что здесь их мало, гораздо чаще они будут попадаться по мере приближения к Амазонке, с ее мутной и теплой водой. Было спокойно, и недостающий четвертый куплет придумался сам собой.

Гоблин – это вам не лузер
В майке с пятнами на пузе.
Героический герой!
Блин, как хочется домой...

К объекту подходил осторожно, с паузами, должным прослушиванием и непрерывным наблюдением. Чисто. Вот и птички сидят на крыше ходовой рубки, расположенной на юте, смотрят на меня со спокойным интересом. Без тревоги сидят, любопытствуют. В этом месте коса расширяется просторной круглой поляной. Лес по ту сторону протоки стал ближе, и в сплошной зелени сделалось возможным разглядеть отдельные кроны, стволы и коричневые жилы ветвей.

Корпус просел в корме и на правую сторону, в этом месте вполне можно забраться на палубу. Но пока это не требуется. Сухогруз неплохо укрыт растительностью от возможного наблюдения с воздуха. Еще несколько шагов – и яркое небо решетчато загородили кроны деревьев. Осыпавшаяся краска надписи на борту еще сохраняла название судна – «Бильбао».

– Надо же. А по виду «Волжанин» или «Енисеец».

Инстинкт сталкера зывал к единственно верному действию, буквально толкал меня в спину: «Вперед, Сомов, в закрома! Немедленно отправляйся на осмотр трюмных помещений, ты представляешь, сколько там может быть всякого ништяка?!»

– Стоять. Куда собрался? – скомандовал я сам себе, чувствуя, что опасно загораюсь в поисковой лихорадке.

Вот черт! Платформа наверняка знает, кто я такой, чем занимаюсь и что должен делать. Она,

стерва, сейчас играет со мной, как кот с мышкой. И даже если кот сытый или занят важным делом обследования с подоконника уличной обстановки, мышке нельзя успокаиваться, и к себе в норку с добычей она за просто так, по кратчайшему пути ходить не должна.

В дикой среде Платформы-5, да еще и в отрыве, выживает человек с правильным инстинктом истребителя, охотника или сталкера, свято соблюдающего неписанные законы ремесла. Он инстинктивно делает свое главное дело и не тратит времени и сил на дела вторичные. Только так.

- Не дожدهшься, родная, - добавил я зло, обращаясь к Платформе. - Не то время и не то задание для игр. Некогда мне.

Рядом неприятно зашуршала змея, торопливо убирающаяся восвояси. С трудом взяв себя в руки, я нехотя пошел дальше, медленно обогнул судно с кормы и тут же остановился, как громом пораженный, что твой Робинзон при виде следа ноги на песке. Тишина навалилась такая, словно на меня упало гигантское пуховое одеяло, аж в ушах зазвенело.

Вот уж не ожидал...

За судном обнаружилось кирпичное строение в два этажа. Классика поселковой казенной архитектуры - администрация или отделение милиции, маленькое и как-то по-государственному негостеприимное с виду.

- Ни фиги себе сюрпризы! - тихо молвил я в искреннем удивлении, плавно снимая с плеча пулемет и сразу переводя его в боевое положение.

Миновав очередные бочки, разбросанные возле судна в беспорядке, я медленно пошел вперед, не сводя глаз со здания. Это был старый, полуразвалившийся дом с давно облупившейся штукатуркой цвета терракота, выбитыми рамами окон и небольшим пристроенным крыльцом, над которым сохранилась какая-то вывеска с выцветшими буквами.

Слева от дома стояла кирпичная же изгородь полуметровой высоты. Странно, но справа такой не было. За условной ментовкой в разросшейся зелени виднелись две низкие крыши еще каких-то домиков этого неожиданного поселения. Не заброшенного, а еще не освоенного людьми, вот такие парадоксы подкидывает нам Платформа-5. Прислушался еще раз, даже принюхался. Здесь никого нет, я это чувствовал наверняка. Нежилое место.

- Туда тоже лучше не ходить.

Огляделся. Этот в высшей мере соблазнительный объект придется оставить в покое и двигаться дальше, время идет.

Или что? Что делать-то? Хороший схрон, можем ночь тут и переждать. Опять поднял руку с наручными часами. Шикарная вещь, подарок Сотникова, точный швейцарский механизм часов идеально отсчитывает время моей жизни, ни секунды погрешности. В тени корабля было темно, и циферблат слабо светился. Пятнадцать ноль семь.

Тут мне послышался какой-то шум, я обернулся и увидел, как из ближайшего к дороге леса, за которым громоздились серо-белые вершины далеких гор, появились какие-то небольшие антилопы, остановились и стали настороженно прислушиваться. Дальнейшие события начали развиваться быстро. За спиной еще раз треснула ветка, со стороны форштевня вдруг раздалось чье-то противное тонкое заунывное подвывание, в котором слышались нотки плача ребенка и к которому тут же подключился жутковатый крик-смех неведомой птицы или зверя. Затем ветка

треснула еще раз, и раздался дробный топот.

Вряд ли тут может появиться пещерник или бешеный носорог: не та местность и климат.

А махайрод? Запросто!

Кроме того, в качестве раздражителей Смотрящие могли вкинуть в такую необычную локацию какого-нибудь самобытного синтетического монстра. Как тебе, Сомов, прыгающий аллигатор или мохноногий удав длиной в тридцать метров?

В этот момент я стоял на совершенно открытом месте, застряв в раздумьях на половине пути от сухогруза к зданию, вследствие чего чувствовал себя дурак дураком.

Позади опять завывало и захохотало, нервы сдали, и я дал деру.

Иногда и сто метров марафонская дистанция. Особенно когда сердце в своих прыжках достает до горла не только от бега, но и от страха. Когда расстояние сокращается недопустимо медленно и нет ни малейшей уверенности – туда ли ты бежишь, сталкер, не напрямиком ли к своей гибели? Но кирпичный забор был уже совсем рядом, я прыгнул.

В воздухе мелькнули длинные ножищи в крепких кожаных ботинках, способом «ножницы» переносимые над кирпичным буртиком, на мое счастье не оснащенными острыми стальными пиками или битыми бутылками. В прыжке успел увидеть место и приземлился на ноги. С небольшого кустика, на который я опустился, тренированное, вы же не сомневаетесь, тело без паузы переместилось левой и зафиксировалось в полуприсяди.

Сдув с глаз мешающий мусор, я мгновенно утвердил «крестовик» на кирпичах, готовый включить адскую машинку и длинной очередью выкосить в округе все живое... Ух, как написал! Считаю, фантастически образно, прям Гомер и Толстой – если Демон не оценит, вот серьезно обижусь, надолго!

Противника не было. Никого не было. Вообще. Копытные благоразумно смылись.

Так, надо связываться с начальством, в данной ситуации одному правильных шагов не определить. Пускай Лунев решает, как быть, перекину решение вопроса наверх.

Пш-ш...

– «Гоблин» вызывает. Костя, как там у вас дела?

Командир откликнулся практически сразу.

– Сначала доложи об итогах, – не предложил, а приказал Лунев.

– Итоги обнадеживающие, – бодренько зачастил я. – Пусто вокруг, никого не видно и не слышно, следов преследования или слежения не заметил. Костя... Я тут поселочек нашел в тройку-четверку домов, неосвоенный, похоже. Мы, когда проезжали, его не сосканировали, корпус сухогруза мешал.

– Ого! – сразу возбудился комсталк и тут же притих, тишина в эфире. Я прямо чувствовал, как ему хочется плюнуть на все и примчаться сюда.

– Кастет!

- Сам-то как считаешь?

Примерно с минуту, в течение которой я не забывал внимательно посматривать по сторонам, мы без особого спора обменивались мнениями, после чего Лунев вынес вердикт, который несложно было предугадать:

- Заманчиво поешь, конечно... - И сразу: - Нет. Забей и выполняй поставленную задачу. Доберись до разделительной протоки и обследуй район, постарайся вычислить позицию, с которой велся огонь. И возвращайся.

- Есть. А у вас какие успехи?

- Хрен там у нас протертый, а не успехи, пока похвастаться нечем. Нашли совсем рядом деревянную лодчонку, но это пустышка, - нехотя признался комстак. - Слишком большая пробоина в борту, такую дыру кустарно не заделать. Вроде бы видим вариант получше. Металлическая моторка без движка. Торчит в кустах, примерно метрах в двухстах к западу, но на материковом берегу. Сейчас будем прикидывать, как туда добраться...

- Принял, продолжаю движение.

Закончив связь, я наконец-то вздохнул с облегчением. Прямой запрет получен, можно идти дальше.

Но место просто так меня не отпускало.

То, что и этот двухэтажный дом, мысленно названный мной «ментовкой», и хибары по соседству по целому ряду признаку локалками не являлись, и ученик сталкера определить может. А вот та штукенция прямо за главным зданием, что большим шалашом с почему-то поросшей зеленым мхом крышей торчит из-под земли... Это была капитальная землянка, сделанная по всей строительной науке, сооружение с солидной двускатной крышей, прочной передней стеной из бруса и массивной дверью, закрытой на крепкий засов. В других зданиях дверей не было вообще. Сердце опять забило учащенно.

- Одним глазочком, зуб даю, - пообещал я шепотом неизвестно кому и сделал первый шаг по мягкой мокрой траве, двигаясь к этому магниту. Затем остановился, решив для цельного представления картины пройти через главное здание, - темный провал бокового входа в ментовку настойчиво приглашал: «Заходи, приятель, будь как дома!»

Справедливо ожидая какого-нибудь подвоха типа логова хищного зверя, только и ждущего, когда появится глупая жертва, я медленно вошел внутрь, перед этим тихо вытянув из кобуры пистолет.

М-да... Примерно в таком же виде нами был найден Форт-Росс.

Полуфабрикат или полуразруха? В принципе понять невозможно. Первый этаж, признаков существования подвала не наблюдаю, ходов вниз не видно. Все окна первого без рам, но боковые и задние зачем-то заложены кирпичом, дневной свет легко проникает через оконные проемы второго этажа, в которых нет ни рам, ни кирпичных закладок. Кровля почти отсутствует, крыша закрыта на треть со стороны фасада, а дальше лишь лаги. Внутренние колонны и несущие стены, поддерживающие разобранное перекрытие второго этажа, сохранились хорошо, наверху хорошо видны помещения без дверей. На первом же этаже никаких внутренних помещений нет, словно один огромный зал, никакой логики планировки.

В дальнем левом углу навалена груда деревянных поддонов – зачем? Там же боком, чтобы я сразу увидел, что они пусты, составлены штабелем большие деревянные ящики, на вид пустые. Кто-то тару собрал, да не вывез. Очень много пыли и растительного мусора, в центре помещения вытянутым овалом желтоватого цвета лежит насыпанный щебень.

Так себе интерьерчик... В одном месте с потолка свисают куски арматуры, к нише в перекрытии прислонены три бруса, два из которых уже наклонились, готовые в любой момент рухнуть. Подняв кусок щебенки, я бросил его вверх, стараясь угодить в помещение на втором этаже. Попал куда-то, задребезжало! Раздражительно так, неприятно.

Никто не вспорхнул, все сразу успокоилось. Спит здание.

На плитах первого этажа было грязно, но антропогенного мусора не видно, как не было запаха мочи и экскрементов людей или животных, незаменимого атрибута любых развалин и заброшенных зданий. Кирпичей и осколков плитки не заметно, зато есть цементные проплешины. Подумав, я надел перчатки, проверил центральный брус на устойчивость и без труда быстро полез вверх, выбрался на этаж, где и огляделся. Притихла живность, больше не пугается. Никаких посторонних звуков.

Бестолковый объект. Если доводить его до ума, то потребуется бригада и месяц работы.

Землянка, как и все вокруг, утопала в красивой, ароматно пахнущей траве. Деревца произрастали в основном жиденькие, редкие, размерами и видом напоминающие родные молодые осинки. Деревья, между прочим, фруктовые, с яркими спелыми плодами, похожими на манго. Жаль, знать не знаю, можно их употреблять или топтать упавшие ногами. А без точного знания в рейде сырьем ничего есть нельзя. Все должно пройти тепловую обработку, если нет желания вместо выполнения задания сидеть в кустах с поносом. И это в лучшем случае.

Озираясь, словно шпион, идущий на явку, я направился к землянке. Подойдя ближе, с усилием сдвинул в сторону массивный засов и потянул согнутую вниз соплей железную ручку на себя. О-па! И отскочил подальше. Кованые петли не скрипнули, дверь распахнулась почти без сопротивления, приминая нижним краем невысокую траву, и на меня дохнуло легким запахом свежих досок, прелой листвы, улавливался аромат масляной краски и машинного масла. Вроде все спокойно.

Естественно, никаких окон в помещении не предусмотрели. Свет в землянку проникал только через вход, однако и этого скупого освещения было достаточно, чтобы разглядеть содержимое локалки. Когда глаза привыкли к плохой освещенности, мне во всей красе предстало внутреннее богатство помещения. Слева прямо на земле лежали аккуратно сложенные вдоль стены плоские ящики. Двадцать четыре штуки, абсолютно одинаковые с виду, но меня это не обманывало – там вполне может храниться самое разнообразное имущество, бывали прецеденты. Глянь мельком – и обрадуешься сгоряча, подумав, что нашел целую кучу дефицитных винтовок! А там – облом, свалено все подряд, от лопат до граблей, от резиновых сапог до вязаных свитеров.

Из плохого: содержимое землянки было подтоплено.

Ну, скажите, какому юному умнику из проектного отдела Смотрящих пришло в голову устраивать землянку в затапливаемом месте посреди реки? Ясно же, что в особо хорошее половодье здесь может оказаться вода!

– Идиоты в штабе, уволить всех, набрать новых идиотов! – не выдержал я, задрал голову и

отправляя свое недовольство небесам. Пусть слышат, должна же быть обратная связь с населением, законная реакция народных масс на бардак!

Еще раз оглядевшись, я вложил пистолет обратно в открытую кобуру.

Отсырело все, оржавело, потому-то локалочку речники и не разобрали. Избалованные они, смотрю. Значит, у речников вполне достаточно более качественного ништяка, чтобы не возбуждаться из-за таких локалок.

Жаль. Многое из того, что ты видишь перед собой, уже просто тара, Мишка, просто тара. Не суетись, будет время - пороемся. Локалка - женщина капризная, уважения к себе требует. Локалку - ее любить надо, сильно. Причем любить ее так может только профессиональный сталкер, а не мародер набежавший.

Солнечные лучи насквозь пробивались из-за моей спины через дверной проем и красиво раскладывались на земляном полу пятнами. В этих светящихся трубах света задумчиво и спокойно плавали пылинки. Мне отчаянно захотелось растянуться на ящиках, закрыть глаза и минут на десять забыть обо всем, чтобы послушать умиротворяющую тишину главного Храма сталкеров - ее величества Локалки...

- Знаешь, Гоб, а не так уж сильно тут и заливает, годного много.

Справа громоздились какие-то железные холеры, похожие на запорную арматуру теплоцентров, обрезки двухдюймовых труб в высоту среднего человеческого роста, отводы. Ближе ко входной двери стояли еще два ящика побольше, но тоже без надписей. В такой таре, между прочим, попадают красивые лодочные моторы японского производства. На стене висели полки с разнообразными банками и железными футлярами. Инструмент, вижу ручную дрель, это большая ценность. В глубине склада поблескивали выстроенные рядком канистры, а в правом углу друг на друге лежали три матерчатых тюка.

Я напряг мышцы, стараясь особо не дергаться.

Выдержу! Дождусь и ограблю все.

- На обратном пути навещу тебя, родная! - пообещал я локалке, разворачивая тело назад, но будучи не в силах вернуть в нужное положение голову.

Щелк! Планка щеколды встала на свое место.

- Ну что, с первой удачей в рейде тебя, сталкер!

Если все же допустить, что Бухта Смерти есть некий гиперсклад, созданный для еще не осуществленного крупного анклава или просто забракованный элемент несостоявшегося проекта, то нужно понимать, что для его освоения нужны колоссальные усилия. С другой стороны, такой эстуарий, доставшийся крепкому городу-государству во владение, в теории способен дать идеальный толчок в сторону цивилизации угля и пара. В ближайшее время, даже после локальной войны и захвата Бухты, плановое освоение такого ресурса невозможно просто в силу его расположения. Прорубить сухопутную дорогу через непроходимые по берегам леса - это по местным меркам даже не БАМ, а путь на Луну. Значит, нужно строить порт, инфраструктуру для погрузки ништяков на суда.

Туманные перспективы, кислое дело.

Впереди по курсу метров через триста в профиле Змеиной Косы появился небольшой залив, а напротив, на материнском берегу – высоченный обрыв, полностью перекрывающий обзор в сторону плато и гор, – не видать, что делается дальше. Ничего – метров двести, и что-то разгляжу. Коричневый глиняный срез весь в вымоинах, в углублениях. И везде каплями и струйками сочится отфильтрованная капля, годный источник пресной воды. Грунтовые пресные воды, подземными трассами текущие с гор по наклонной плоскости плато, выходят наружу. Мысленно ставлю отметку: важное место.

Конец пути совсем близко, проливчик рядом. Я пошел крадучись.

Через поредевшие кусты было видно, что тут заканчивается совсем узкая, метров пятнадцать, песчаная отмель, по которой пролегает дорога. Здесь она постепенно подтапливалась, в сезон высокой воды, как и после дождей, ее перерезал водный поток, соединяющий в этом месте два рукава реки. На машине мы проскочили без проблем, замочив колеса на две трети, но пешком через протоку без разведки лучше не ходить. Кто знает, какие пираньи тут могут водиться.

Вот засада, кругом заросли! Кусты со всех сторон, кусты прямо и по бокам, к берегу не протиснуться, а прямо идти нельзя: не для того крался. Надо бы подрубить. Чем? Ножом.

Юные обитатели лагеря скаутов, созданного при Замке, куда меня регулярно приглашают для передачи опыта, постоянно задают вопрос об идеальном полевом ноже, который правильнее всего было бы называть ножом жизнеобеспечения. Потому что именно этим самый удобный и работоспособный клинок и занимается – он непременно входит в относительно простую систему жизнеобеспечения любого человека в чистом поле. Сталкер, промысловик, охотник или рыбак, геолог или топограф – у всех есть тщательно отобранный набор практик повседневной жизни. Добывание топлива, огня и воды, приготовление и сбережение пищи, организация бытовой санитарии, изготовление и ремонт подсобных орудий. Широкая универсальная задача, важная, но рутинная, обыденная.

Иногда система дает сбой или терпит крах: болезнь, авария, природные напасти, изменение сроков доставки припасов... В такой ситуации человек всегда стремится восстановить существующую систему с минимальной, по возможности, модернизацией под новые условия быта, а не изобретать кардинально новую. Универсальный нож, как часть комплекса, после аварии не перестает оставаться все тем же простым инструментом, исправно работающим на своего владельца и в спокойное время.

То есть если ты привык по утрам умыть морду, не привередничая, ледяной водой из озера, а утренний кофе с вечера заливаешь в термос, то и очаг у тебя, братан, будет работать по-другому. Тент тебе нужен или шалаш, палатка или хижина? Место для стирки и бани, погреб-ледник или лабаз? Все влияет, и все индивидуально. Но никакого «выживания» нет и не будет, тебе в любых условиях нужна лишь нормальная, насколько это возможно, жизнь.

На Земле больше всего способны к сохранению привычной системы северные народы, именно поэтому их ножи-универсалы подходят любому человеку на северах, а оказавшись на лоне природы, каждый неизбежно начнет приходить к выработке системы жизнеобеспечения, сходной с проверенной «североаборигенской». Ты быстро поймешь, что в мелкую птицу, самую доступную дичь, лучше всего не кидать импровизированное копьё с прикрученным ножом, а воспользоваться пращей либо камешками. Что ветки кустарника не пилят, а большие деревья пилить ни к чему. Что от лосей тебе даже костей не достанется, чтобы их пилить, не мечтай, а шоковые зубья непременно поранят усталую руку. Прикипевшая резьба в ручке-контейнере навсегда закроет доступ к бесполезному в общем-то компасу и крошечной веревочке. Шарнир откажет, крышечка отломится, не сомневайтесь! Вскоре ты забудешь про охоту на копытных «в

набег», про острогу у ручья и прочие комиксы. Нет уж – сдирай съедобную подложку лиственничной коры, работай с силками, ставя западни, пасти, ставни и запруды...

На Земле можно попасть в аварию, будучи пассажиром авиалайнера. Впрочем, все прогнозируемые случаи работы специального ножа после возможной авиакатастрофы стоит смело опустить. Службы безопасности аэропортов, обыскивающих даже пятки пассажиров, не дадут пронести на борт не то что нож, но даже маникюрные щипчики. Другие варианты попадания в экстремальные условия легко вычисляются и считаны по пальцам: забыли на промежуточной остановке, забыли забрать с точки кратковременного проживания, катаклизм отрезал от внешнего мира, разбилось транспортное средство.

Или ты, как последний дурак, утопил его в болоте.

Особняком можно упомянуть случаи падения военной авиатехники и вынужденные приключения пилотов самолетов малой авиации – тех самых bush pilots. У них на борту есть НАЗ [2] разной комплектации. Практический срок, в течение которого предстоит продержаться пилоту, везде разный. Американцы, например, обычно находят своих довольно быстро, в этом случае требования к ножу просты: освободиться от ремней и вскрыть упаковку с пайком, для чего вполне подходят качественные складники. На бескрайних просторах нашей тайги и тундры пилота искать могут неделями, так что строить систему придется всерьез, а решать гораздо больше задач, чем американскому коллеге. Здесь вполне хороша некогда принятая для катапультируемых систем спасения концепция многофункционального мачете в сочетании с компактным огнестрельным оружием. Bush pilots по-прежнему приходится полагаться на карманы куртки и небольшой универсальный нож.

Так что при всех этих невеселых вариантах больше всего подойдет привычный клинок, на поясе или в кармане, уже состоящий в системе привычного же жизнеобеспечения. Лучшим будет тот, который окажется на теле. Если нет привычки носить, то его не будет и аварийно. Никакого не будет. Носишь – молодец.

Чем плох киношный нож выживания? У него нет главного: универсальности. Подобные устройства часто похожи на переносной чулан, их приятно изучать, а вот носить не нужно. Они не подходят для «выживания», краткосрочного существования человека с ограниченными ресурсами и на полном пределе сил. Впрочем, таких ситуаций, как и людей, способных к ним реально подготовиться, на самом деле очень немного.

А теперь я открою вам главный секрет – лично у меня легкого универсала нет. Вот такая у меня система жизнеобеспечения. Пацан я здоровый, выносливый, могу нести серьезный груз и ножи люблю здоровенные, клинки меньше двадцати сантиметров меня не интересуют. Одно время таскал с собой мачете и даже абордажную саблю. Но после того как в течение полугода и кучи сложных рейдов выяснил, что такой тесачина мне не понадобился ни разу, от длинномеров я отказался. Вместо этого сугубо под свою лапу заказал у кузнецов тяжелый нож типа боуи. Зверь! Клинок толщиной в семь миллиметров и длиной в тридцать пять сантиметров. Он мой вес держит, если положить на два пенька, можно попрыгать. Мужики смеются, пионеры ахают. Так что обхожусь без малышей. Хотя именно сейчас в рюкзаке лежит маленький плоский «дак-дак», аварийный нож из комплекта bush pilots.

Ну что же, пусть там и лежит.

Проход, а точнее, пролаз я прорубил за одну минуту, на всякий случай пригрозив ближайшей птичке, чтобы не орала. Сначала пошел крадучись, а потом и подполз ближе к урезу воды,

двигаясь медленно, будто пробуя на надежность каждый метр земли. В такой ситуации всегда полезно сомневаться, это не раз спасало людям жизнь. Руками осторожно раздвинул траву, прижимая ее локтями, чтобы не мешала обзору. Редкие прутьики какой-то осоки и стебли кустов вполне позволяли разглядеть местность и оценить обстановку. Огляделся, прикинул, как смотрюсь на заднем фоне. Заметить не должны – ни с противоположного берега большого рукава реки, ни с воды.

Берег с этого места просматривался отлично.

Его линия чуть выгибалась, уходя от реки, а дальше опять становилась относительно ровной, обзор в обе стороны – до полукилометра. Позади и левей было видно, что здесь горы подступают немного ближе, а пляжный откос соседнего рукава стал более пологим, вполне можно забраться наверх, если понадобится. Он быстро переходит в лесистую террасу, там плато, а километра через два-три начинается собственно горный хребет.

Прямо передо мной виднелась поперечная протока, одна из тех, что делят косу на длинные острова, именно здесь дорога уходила под воду. Разрыв небольшой, метров семьдесят. Глубина – мне будет по самые... по середину бедра, пожалуй. На машине прошли бодро, а вот вброд не пойду, побаиваюсь. На другой стороне коса подходила к урезу травянистой, без кустов, поляны. И тут нет никаких следов преследования или слежения. По следу джипа не крались плохие парни, среди зелени не бликовали оптические прицелы, вроде бы все обстояло самым наилучшим образом.

А вот на противоположной стороне широкого рукава реки, чуть наискосок от места моего наблюдения, находился интереснейший объект, с которого, зуб даю, нас и обстреляли!

Большой цейсовский бинокль утонул вместе с джипом, в моем распоряжении остался лишь крошечный складной китайчонок. Оптический прибор далеко не из лучших, зато он всегда с тобой, потому что легко умещается в нагрудном кармане жилета. Спору нет, в этот же габарит вместится и компактный монокуляр, однако бинокулярная система всегда лучше, глазам и мозгу легче компенсировать неизбежное дрожание, а это важно. Вот ведь как бывает в жизни: можно долго рассуждать о моделях, а в реале с тобой будет ровно тот инструмент, что в нужный момент оказался с тобой, на теле, в кармане или чехле. Если ты его туда положишь, конечно.

Это жилое место.

В глубине среди крон и выше виднелись крыши двух хижин: одна побольше, вторая прикрывала что-то типа сарая. Домики на возвышенности или на деревянных опорах. Нет, возвышенностей на таких речных островах не бывает. Значит, на сваях.

– Или на корпусе увязшего в грунте судна, – поправил я сам себя.

Почему зеленью не прикрыли? Днем тут жарко. Нагретые южным солнцем плоские кровли черного цвета наводили на мысль о горячих сковородах. Именно сегодня сволочной амазонский дождь, который льет, когда не нужно, упрямо не желал поливать Бухту Смерти не то что через каждые тридцать минут, как он вытворял вчера, а хотя бы разок в течение дня. Правда, прямо сейчас не надо, лучше на сухом полежу.

Чуть ниже по течению за домиками в ряд замерли, и похоже, навсегда, два небольших железных судна с кормовыми надстройками, вросшие в землю и увитые зеленью. Ближе к берегу на расчищенной от растительности площадке над лесом высилась ажурная

конструкция, антенная вышка или главная часть какого-то судового агрегата типа крана. Наверх, к огороженной поручнями смотровой площадке площадью метр на метр вела лестница, явно приваренная позже.

Наблюдатель тоже присутствовал. Пожилой бородатый мужичок в серых бриджах и в просторной, размера на три больше, футболке защитного цвета спокойно, по-хозяйски сидел за прямоугольным дощатым столом и вдумчиво занимался починкой сети. Это был невысокий круглый человечек лет этак пятидесяти, с пивным пузом, двумя подбородками и привычно прищуренными глазами. Кресло самодельное, плетеное, в колониальном стиле.

Ракурс мешал рассмотреть все, что лежало на столе, но автомата там не было. Оружие чуть в стороне стояло прикладом на песке, прислоненное к железной бочке с обгоревшей краской, в которой пузатый вечерами разводит огонь. Еще одна такая же бочка стояла по другую сторону стола, и тоже на самом краю расчищенного участка террасы. Я бы так далеко от себя оружие не отставлял, хотя мужик явно уверен в абсолютной безопасности места. Хозяин... Напротив него в траве грубо отесанным старым деревом серела качественно сколоченная уютная скамеечка, рядом, возле куста – большая пластиковая бутылка с водой. Пикниковое местечко, тут вполне можно отдохнуть компанией, вкусно попить-поесть, побазарить про сущее.

Мужик поднял сеть к глазам, недовольно почмокал жирными губищами, оценивая итоги проделанной работы, и, задрав футболку, всей пятерней почесал волосатое брюхо, сделав это настолько заразительно, что я, не выдержав, задрал свою и почесал тоже, да так шумно, что спугнул пару ящериц. Земля здесь теплая, лежать комфортно. Со стороны большого острова, на котором и располагалось жилище пузана, донеслись хлопки пары винтовочных выстрелов, спустя некоторое время хлопнуло еще разок. Работающий бородач даже бровью не повел – было видно, что пальба по соседству для него привычное дело.

- Весело живете, – констатировал я.

До Амазонки здесь близко. Там, на выносе этой новой реки, хорошо видно границу вод, которые какое-то время текут не смешиваясь. Пересекаешь, и вода за бортом меняет свой цвет с мутного коричневатого в Амазонке на прозрачный и светлый. Жители здешних поселений так и различают реки, по цвету – коричневые и белые. В первых содержится большое количество глины, а в реках левого берега, формирующихся из небольших ручейков, текущих со стороны горного хребта, вода почти чистая. Имеются, конечно, включения остатков древесных листьев, но пить ее можно уже после простейшей фильтрации, без кипячения. И рыба в них водится разная.

Крика полноватой, но фигуристой женщины с собранными в хвост длинными волосами и в синем хлопчатом платье до пят я не услышал, увидев ее лишь тогда, когда та выглянула из-за дерева, махнув сковородой в сторону леса. И не смог не отметить:

- Славная курочка, не в коня корм.

Жена настойчиво приглашала. И не отобедать вкусными горячими беляшами, судя по выражению лица, а что-то срочно починить. Мужик во все глаза смотрел на суженую, и в оптику было хорошо видно, как на лице его последовательно сменялись выражения узнавания, недоумения, понимания, недовольства и, наконец, обреченной покорности. Влип, толстячок! Отложив рукоделье, он нехотя поднялся и, засунув большие пальцы за поясной ремень, молча устоял на уходящую жену. Та и в движении никак не унималась, так что пузану только и оставалось, что, недовольно взмахивая руками, плестись вслед за ней. Автомат остался возле бочки.

- Край непуганых пузанов, - уточнил я, пожав плечами.

Беляшей мне, кстати, захотелось... смерть.

И все же почему он после обстрела не отправился за нами?

Неподалеку от меня речная вода с неприятным чавкающим звуком поглотила какую-то сползшую с берега тварь. Запустив в сторону бульканья кусок тяжелой деревяшки, чтобы подбодрить беглеца, я ненадолго погрузился в размышления.

Тут могут быть два варианта. Первый: ему было абсолютно безразлично наше внезапное появление. Пугнул очередь, чтобы пришельцы не вздумали перебираться на его сторону, и плюнул вслед. Вот такой он у нас беззаботный и самоуверенный, этот хозяин участка. Все у него схвачено-скручено, береговая жизнь течет размеренно, неприятности и приключения не нужны. Да и что случилось-то? Подумаешь, невидаль какая: рядом пронесся джип с пулеметом на турели и группой неизвестных вооруженных людей! Он тут каждый день что-то подобное наблюдает за плетением сетей...

Так себе версия, скажу я, такая серьезной критики не выдержит. Но она приятна душе, и мне бы хотелось принять именно ее.

Второй вариант гораздо более жизненный и тем для нас опасный. Мужик не стал дергаться и предпринимать достаточно рискованных действий по преследованию или слежению лично, потому что согласно местному уставу исправно доложил о происшествии по команде. По рации, например, брякнул. Наверху вышки не было видно штыря антенны, необходимой для организации устойчивой связи. На крышах хибар они тоже отсутствовали. Однако стационарные радиопередатчики на Платформе вообще очень редки. В сообществах, где люди не смогли обзавестись «шоколадками», портативными терминалами поставки, серьезной радиотехникой обладают единицы. Немногим большее количество людей владеет легкими переносными рациями. Не похоже, что он записной радист. Вполне может быть, что наблюдение пузан осуществляет в рамках некоего обременения, повинности: живешь на окраине - изволь следить и докладывать. Без стационарного аппарата. А если пункт передачи находится неподалеку, а сами донесения идут по цепочке?

- Мог и мальчишку послать, подлец... - предположил я еле слышным шепотом. - Есть баба, значит, есть и детки.

Живет на острове, да только неизвестно, насколько этот кусок земли велик и живут ли по соседству другие речники. «Если респондент сидит недалеко, то пузану вполне хватит и малогабаритной носимой станции, здесь и самая дешевая рация размером с пачку сигарет пробьет на километр», - само собой дополнилось в голове. Гипотетический пацаненок, если донесение передавал он, отправился сушей. Хотя... Здешние дети наверняка и в лодке чувствуют себя вполне уверенно.

На берегу возле террасы не было обычных для таких мест сейфов или сарая, лишь примитивная короткая пристань из грубо отесанных досок да две парусно-весельные лодки. Одна - страшная короткая «деревяшка», старательно и совсем недавно просмоленная дочерна, вторая - «алюминька» неизвестного происхождения. Обе без движков, подвесные моторы наверняка и у них в относительном дефиците, а среди местного металлолома такие агрегаты, даже самые древние, не могут попадаться часто. Оба суденышка были вытащены далеко на берег, и не похоже, что в ближайшее время им смачивали дно.

На подобные речные микропоселения я посмотрелся. Стариков в них мало, зато детишек бегают уйма, каждая семья – это минимум три-четыре ребенка. При этом быт у них построен на азиатский манер. Отец может весь день качаться в гамаке, в то время как мамаша суетится по хозяйству, разбирается с детьми и готовит пищу. Мужское дело – ремесло без особых напрягов: ленивая рыбалка да проверка самоловов, реже легкий сбор фруктов, которые растут везде. Главы семейств заняты там, где не надо прикладывать особых усилий. Если здесь были бы перекрестки, то они сидели бы там на корточках весь день, группами.

Как бы ни была плодородна земля, томаты и картошку выращивать лень, потому что для этого придется копать землю, пропалывать, то есть много работать. Максимум можно засадить в землю зерно кукурузы и через несколько месяцев собрать початки. Еще проще посадить банановую пальму, регулярно собирать бананы, закусывая их пойманной рыбой. Свиной заводят, кур, те пасутся сами. Излишки такого производства никому в окрестностях не нужны, значит, тем более нет причин напрягаться. Лишь в деревеньках, стоящих ближе к городам, более трудолюбивые крестьяне расширяют ассортимент овощной продукции, выращивают манго или ананасы. Так что главное орудие производства местных мужчин наверняка то же самое, что и большинства других мини-общин, – гамак. Он и здесь висит, чуть левей, за кустом. Широкий, удобный.

Хотя наличие такого количества делового металлолома что-то могло изменить.

Ладно, здесь все ясно. И что мне теперь делать? Не дожидаться же возвращения бородатого – смысла нет. Пожалуй, можно выдвигаться назад, картина хоть как-то проявилась, больше тут ловить нечего. Доложив по рации о предварительных итогах разведки Луневу, я отправился в обратный путь.

Глава 3

Одиночество гоблина

Дальнейшие действия были понятны.

Прикольно, но бездарно лишившись автотранспорта, большей части снаряжения, всех припасов и отчасти вооружения, группа должна быстренько найти подходящую посудину и сплавиться по течению к потаенной бухте на Амазонке, где стоит доставившая нас к эстуарию баржа. Там надо будет спокойно все обдумать и обсудить, прикинуть, что имеется в запасе, и хватит ли этого запаса для успешного завершения рейда. При необходимости можно связаться через обретающегося ныне в Форт-Россе начальника радиослужбы Замка Юру Вотякова с Потаповым, доложить командованию и уже тогда принимать решение по продолжению либо сворачиванию операции «Речники». Я бы рейд прервал. Нет никакой необходимости корячиться на манер робинзонов. Есть резон вернуться, спокойно подготовиться и повторить попытку с учетом полученных данных и опыта. Ну, Кастету, конечно, видней. Вот сейчас вернусь, и начнем действовать, подходящая лодка ребятами наверняка найдена и подготовлена.

Обратный путь всегда легче и веселее. Все опасные места отмечены в голове красными маркерами, приметы и ориентиры определены, дистанции между ними и интересными точками и объектами посчитаны. Ноги сами собой идут быстрее, настроение на подъеме.

Возле мрачной громадины «Бильбао» я ненадолго остановился, заново оценивая состояние судна, и достал из кармана конфетку. Пора подкрепиться. Углеводы сразу дают энергию, хотя и сгорают быстро. Забрасывая в рот первую карамельку, услышал далекий звон. Ну, ребята,

этот звук я не спутаю ни с каким другим! Работал подвесной лодочный мотор, небольшой, мощностью до двадцати сил. Высокие частоты вырываются наружу, значит, кожух, скорее всего, снят владельцем. Помял его или частенько ковыряется в моторе.

Ситуация резко изменилась. Оказывается, здесь, кроме старины глубокой, действительно встречаются и моторные лодки с нормальными подвесниками. Вероятность того, что где-то работает «шоколадка», стала довольно высокой.

Задумавшись, я машинально развернул второй фантик.

Появление в моих карманах нескончаемого запаса конфет – давняя и сложная история.

Одно время я пользовался исключительно заказными сладостями, поставляемыми через терминал. Добывал без проблем, Сотников всегда шел навстречу, заказывая под меня сразу килограммов по десять. Храню я их, между прочим, в надежном сейфе с цифровым кодом, иначе никак, упрут коллеги на голубом глазу и не покаются... Затем решил проявить патриотизм и перешел на местные, решив поддержать отечественного производителя. К тому времени одна правильная семья в Медовом наладила выпуск очень вкусных конфеток-ирисок, они их даже в фантики приспособились заворачивать. У них и брал, тоже оптом.

Но вскоре у отечественной продукции обнаружился существенный тактический недостаток: лежа в кармане, вкусные натуральные конфетки через какое-то время начинали подтаивать и слипаться жуткими гроздьями, такие развернешь только с нервами и руганью. Неудобно и неопрятно. Да уж, не научились еще кондитеры Медового халтурить... Пришлось вернуться к старой схеме и пойти на поклон к Командору за теми, родными синтетическими с Земли, благо для себя я у него прошу чрезвычайно редко. Предпочитаю все добывать самостоятельно.

Сколько их сейчас в запасе? По-хорошему, надо бы не полениться и пересчитать. Пожалуй, штук пятьдесят наберется. Там примерно поровну карамели с фруктовой начинкой и импортных леденцов в форме больших круглых таблеток, которые не испортятся даже через сотню лет.

А закрутилось все с того момента, когда я в детстве закончил читать стащенные у деда с полки старые книги о Ленинградской блокаде и удивительных приключениях мальчишек, современников тех драматических и страшных событий.

Первая называлась «Зеленые цепочки», вторая – «Тарантул». Чуть позже посмотрел еще и старый черно-белый фильм, снятый по первой части. Эти произведения меня буквально потрясли, книжки я перечитал раз десять, не меньше, многие эпизоды запомнив наизусть, не вру! Так начался мой серьезный интерес к истории блокады Ленинграда. С годами он только креп; я искал в библиотеках и Сети, находил и читал все новые и новые материалы, спорил и обогащался знаниями на форумах, пока не оказался полностью в теме. Как говорят, в материале, хоть экспертом выступай.

И вот однажды мне приснился первый в бесконечной череде, совершенно знаковый сон.

В нем я совершенно непонятным, ни разу не объясняемым мне образом и способом доставки внезапно оказывался в блокадном Ленинграде. Зимней ночью. Прямо как попаданцы из фантастических романов о Великой Отечественной войне.

Тогда меня выбросило в узкой подворотне.

Выглянув за обшарпанный угол здания, я совсем рядом обнаружил заиндевевшее крыльцо

старого четырехэтажного дома на Фонтанке. Ну, это я для простоты так говорю, на самом же деле в этих снах – а их было много – не имелось точных адресов и полного соответствия с картой города, надежно место попадания не лоцировалось. Скорее всего, я имел дело с неким синтезом, моделью местности. Однако твердо знаю, что Пять Углов находились где-то рядом. Интересно, что, неоднократно приезжая в Питер, я, как ни старался вспомнить и сопоставить как можно больше деталей, ни разу не нашел места выброса. Вроде бы все вокруг похоже на то, что видел во сне: мост, парадная, переулок рядом, тот, да не тот... И не больше. Потому что вон там – тоже вроде похожее место. И вот здесь.

Оказавшись в этом мире-модели, со второго раза я уже твердо знал, куда именно попал и в какое время.

А вот зачем...

На улице было мертвенно-пустынно, темно, холодно и страшно, и я быстро просочился в парадную. В подъезд, если по-нашенски. Там, в вязкой реальности сна, я не чувствовал никаких физических ограничений или ущербности, реакция и органы чувств работали отлично. И с каждым входом в Блокаду, как я называл эти непостижимые перемещения, ощущал такую прозрачную и холодную ясность рассудка, что становилось страшно.

Мне там вообще частенько становилось страшновато, и совсем не от тех вещей, которых можно было бы опасаться молодому, крепкому и готовому ко всему мужику. Там не было перестрелок, рукопашных схваток и погонь, я не участвовал в пригородных боях, не работал на заводе и не ловил с милицией диверсантов или мародеров. Разрывы артиллерийских снарядов и бомбежки города авиацией фашистов были почти единственной серьезной опасностью. Почти.

Итак, я зашел в подъезд. Не помню, какая именно была на мне экипировка, но замерз я быстро, и в следующих снах в одежде сама собой произошла необходимая корректировка. Широкие перила с набором тяжелых точеных балясин, ячеистые окна, заклеенные полосами бумаги, латунные основания светильников без лампочек. Электричество на лестничные клетки не подавали, энергия попадала только в жилые квартиры. Да и то далеко не во всех районах и не всегда. Батареи отопления в подъезде, понятное дело, не работали, поэтому холод стоял собачий.

Куда идти? Тогда, в первый раз, я плохо понимал, что произошло, почему-то казалось, что в этом Питере вообще нет ни одной живой души... Что делать, замерзну ведь! Хоть костер разжигай. Так не из чего!

Хорошо, что входные двери закрывались достаточно плотно, в предбаннике сугробов не было, а стекла на лестничной клетке уцелели. К морозу добавился ледяной сквозняк, и я торопливо начал стучаться во все двери, проверяя, есть ли кто живой. Сразу нашел две пустующих квартиры с незапертыми дверьми, остальные были закрыты на замки. А замерзал я все сильнее и сильнее! Уже собирался разнести пинками на дрова ближайшую дверь, но не успел, потому что где-то наверху возник очень странный, словно истерический, звук, повторяющийся и немного похожий на всхлипывание. Детское. Со слабым эхом.

Он шел из небытия, из мерзлой выси, словно из ниоткуда. В тишине умирающего города этот звук казался настолько необычным и неестественным для человека из другого мира, что на какое-то время меня чуть не парализовало. Кстати, с тех пор я скручиваюсь в спираль от любого детского плача, особенно тихого. Не от оглушающего и пронзительного, а именно от подвываний в тишине.

Входные двери внизу противно скрипнули под очередным порывом ветра, и мне почудилось, что бесформенный фрагмент сырой и в то же время холодной Тьмы, выползший на охоту из потустороннего мира, пытается просочиться в этот мерзлый подъезд, решив именно здесь найти очередную жертву. Из оружия при мне был только складной нож от «Спайдерко», зацепленный клипсой за карман джинсов. Вряд ли он смог бы мне помочь в борьбе со вселенским Злом.

Смех переродился в уже отчетливо слышимый плач, я заторопился. Жилая квартира обнаружилась на последнем, четвертом этаже, первая левая на площадке, с окнами на реку.

Дальше мне запомнились больше образы, плохо видимые в слабом отсвете горящего камина, нежели хорошо запоминающиеся люди. Здесь проживала одинокая мать с тремя детьми-погодками: две девочки и мальчик, самый младший в семье. Старшей было всего лет восемь, такую малышку опасно посылать для отоваривания семейных хлебных карточек, поэтому ослабевшей и отчаявшейся почти до полного безразличия к судьбе матери приходилось все делать самой. Имени женщины не помню, сон мне его почему-то не сообщил. Она – так я ее называл для себя.

Начались сумбурные разговоры, разбирательства. Голодали они страшно. У всех были серые безэмоциональные лица и тяжелый запах изо рта, верный спутник настоящего, вынужденного голода. Заметавшись в панике, я горячечно пытался сообразить, чем могу им помочь, и не находил никакого решения, впору от себя кусок отрезать. Ничего с собой не было! Ни рюкзака, ни пакета с едой сон не предусмотрел. Что вручить, российские деньги, что ли? Баксы, которые у меня были? Да кому они тут нужны!

Хлопая по карманам, я нашел чудом завалившуюся после крайнего авиаперелета конфетку, это был леденец «Взлетная», и протянул находку матери, даже не пытаюсь придумать, как ее можно разделить на всех. Но она сама придумала, попросив меня измельчить конфету в мелкую стружку, что я и сделал своим «Полисом».

Что было дальше, не знаю, меня вышвырнуло из сна в явь.

Верите или нет, а прошило меня так крепко, что на занятия в институт я, несмотря на надвигающуюся сессию, решил не идти, отлично понимая, что рискую провалить уже третью, несколько запоздалую попытку вместе с более молодыми оболтусами окончить высшую школу. В тот же день я почти суеверно купил в супермаркете конфеты и распихал их по всем карманам, а в чулане возле прихожей поставил тревожный тактический рюкзачок, набитый всякой добротной снедью... Представляете, насколько я поверил в этот перенос и как меня потрясла собственная беспомощность и неспособность помочь почти умирающим людям?

Следующий перенос случился только через неделю, забросило меня к той же самой двери. Но чуть пораньше: на дворе вечерело. И почти сразу же я чуть не нарвался на очень крупную неприятность – меня заметил военный патруль. Три фигуры в засаленных, светлых, некогда белых полушубках махом пропасли подозрительную фигуру и быстро двинулись в мою сторону. У одного был ППШ, у двух наганы. Они не бежали. Судя по всему, физически бойцы чувствовали себя немногим лучше гражданских. Да, их, конечно, кормили получше, паек был больше, но и затраты энергии у пацанов были совершенно другими.

Широко распахнув одну створку, я театрально заметался, затем симитировал побег за угол и тут же под прикрытием открытой двери вернулся в подъезд вдоль стены, взбегая на третий этаж в одну из пустых квартир. Закрылся на засов, притих и стал ждать. Патрульные немного растерялись, но в мой побег полностью не поверили, все-таки заглянув в подъезд. В принципе я

мог бы легко глушануть всех троих. Но это же немыслимо! Представляете ситуацию, в которой вам придется валить советских, то есть своих, людей? С другой стороны, если бы патрульные меня там повязали, то после допроса с пристрастием гарантированно шлепнули бы в течение суток, вот что я понял в эти тревожные секунды. И даже если меня прямо перед шлепкой перенесет в мою реальность, то многодетной семье не поздоровится.

Я понимал, что обмануть их не удастся. Все книги о приключениях попаданцев в Великую Отечественную – графоманское вранье. В каждой исторической эпохе существует просто невообразимое количество идентифицирующих мелочей-маркеров, узнать и освоить которые можно, лишь наследственно проживая в этом времени, причем оседло. А любая фальшь тут же бросится в глаза, что позволит быстро отличить чужого от своих.

Никакой легенды не подвести, ни-ка-кой... И действительно, вдумайтесь: почти двухметровый лосяра болтается по ночному Ленинграду, осажденному городу, живущему в особом режиме, а не сидит, как положено, в промерзших окопах, обороняя колыбель Революции от врага. К тому же он отменно ухожен и откормлен, на удивление розовощек, здоров, как испанский бык, и от него пахнет дорогим парфюмом, чего не может быть в принципе. Роль запахов в этих ситуациях вообще очень велика.

А еще у него на кармане висит диковинный складной нож, а на плече – современный тактический рюкзак с еще более диковинной снедью. Короче, все ясно – шпион фашистский, стенка, пуля, общая могила.

Мне несказанно повезло. На улице раздалась захлебывающаяся на морозе, но громкая трель милицейского свистка, у парней сразу возникла новая задача, оставившая их в живых, а у меня появился печальный и очень тревожный опыт. Стало понятно, что лихому попаданцу из двадцать первого века вообще не стоит лишний раз попадаться здесь кому-либо на глаза.

К моему удивлению, подопечные меня уже ждали, они тоже запомнили прошлый визит.

Второй раз я крепко удивился, сняв с плеча рюкзак и вывалив его содержимое на большой старинный стол в гостиной, где находился камин, это было главное жилое помещение. Непостижимым образом из комплекта исчезло все импортное и современное моей эпохе. То есть протащить через барьер я смог лишь самые простые и примитивные продукты типа тушенки, хлеба, сахара и так далее. Никаких сликеров и кетчупов, майонеза в пакетах и красивого ассорти из плавленых сыров. В итоге на столе оказались три банки тушенки и кирпич белого хлеба. Ни йогуртов, ни марокканских мандаринов. О лекарствах я, урод, почему-то не подумал, так что уроки продолжались.

Темнело, камин был горяч, но уже еле светился, тяжелые светомаскировочные шторы почти полностью прикрывали большие окна. За классически заклеенными серыми бумажными полосками окнами лучи мощных прожекторов мистически обшаривали ленинградское небо, порой натываясь на аэростаты заграждения. Один раз по набережной проехал бортовой грузовичок, затем торопливо прошла пара прохожих, торопясь успеть домой до наступления комендантского часа, а я варил примитивный суп из тушенки с травами. Картошка, лук... Да ничего больше не было! Ничего из действительно нужного и проходящего по параметрам переноса я с собой не взял! Выручили всякие травы, которых у хозяйки нашлось достаточно, запасы остались с мирных времен. Так что сухого укропа я набудырил в варево будь здоров. Варил сам, потому что женщина собиралась сверхэкономно разделить каждую банку тушенки на три дозняка, а мне нужно было подкормить их как можно быстрее и эффективнее. Слышали бы вы, как она стонала, когда я безжалостно сбрасывал в кастрюлю сразу весь говяжий жир!

И тут возник еще один важный момент. Женщина попросила меня не варить слишком долго.

Запах! Сука, запах!

Даже на последнем этаже он представлял определенную опасность. Вылетающий в вентиляцию аромат настоящей горячей готовки мясного блюда был способен поднять с кровати полумертвого, уж что-что, а запахи еды голодные люди различают с очень большого расстояния. Его могли почувствовать даже из соседнего дома или с набережной. Этот запах пищи отныне жил отдельно от города, такие запахи там не летают. Они стали чужими.

Дальше – еще хуже. Не могут обычные люди, проживая в блокадном Ленинграде, да еще и самой тяжелой зимой, спокойно готовить на дому супчики на мясе из воистину золотой тушенки, это недостижимая мечта, небывальщина! Неоткуда им было ее, тушенку, взять! Собака, я никогда не думал, что тушенка такая пахучая! Если соседи по подъезду почуют запах, то вполне вероятен визит, а потом донос, обязательный арест, разборки... Да и сама тушенка необычная вообще-то, на жестяной крышке вытеснен год выпуска.

Откуда взялась, товарищ, а? Я прикидывал, не стоит ли брать ту, что хранится в стеклянных банках, предварительно сняв бумажные этикетки, но и тут скрывалась засада. Встречались ли в том времени именно такие банки, с подобной маркировкой на дне, что произойдет, если при простейшей экспертизе проверяющие отправят запрос на завод-изготовитель? Который еще не построили...

Мусор тоже непросто утилизировать: приметную тару просто так на помойку не выкинешь, лучше вообще ничего не выбрасывать, сжигая все возможное в камине.

Вот такие неожиданные, непривычные опасности. Криминал, впрочем, тоже вероятен, тут за еду вполне могут убить. Так я узнал, что лучше ничего не жарить, не запекать и стараться не использовать в готовке ароматические продукты. Полный ужас. Голодные прятки!

Больше всего меня бесила собственная беспомощность в попытках сделать нечто большее, нежели помощь всего одной семье. Ну и что, что много прочитал по теме? Лишь теперь, познав этот страшный мир изнутри, со всеми его изнанками и скелетами в шкафах, я увидел пусть и спящими глазами, но очень образно, мне открылось чудовищное очевидное – Михаил Сомов тут даже не пешка в чьей-то игре. Он – кусочек антиматерии, запросто способный не просто взорваться при контакте, но и уничтожить все вокруг и всех соприкасавшихся с ним.

Я не мог нагрузиться продуктами, как верблюд, хотя и был готов к такой ноше, не мог заявиться в ближайший домовый комитет, жилконтору или в местный совет. Кто таков, оголец, откуда такие ништяки? Как бы мне ни хотелось, не было ни малейшей возможности расширить зону помощи территориально, хотя сам визит к опекаемой семье занимал совсем немного времени. Хождения, а уж тем более блуждания с выискиванием по улицам города и высматриванием нужных окон были противопоказаны категорически.

И даже в этом подъезде руки были связаны! На третьем этажа была еще одна жилая квартира с окнами, выходящими во двор-колодец, и там последние дни доживала старушка, к которой очень редко приходили какие-то дальние родственники. На предложение помочь еще и ей моя хозяйка лишь мрачно покачала головой, уверенно заявив, что та обязательно расскажет обо всем родне, это верный провал.

В случае с опекаемой женщиной надежно работал материнский инстинкт: я твердо знал, что уж она-то точно ничего и никому не расскажет. Делать нечего, мне пришлось постепенно смириться, начав помогать только одной семье, а из вылазок позволять себе лишь процедуры

охранного сопровождения хозяйки, когда Она ходила за талонами и на отоваривание. Здесь тоже были свои тактические нюансы – например, женщину нельзя было раскармливать, так, что ли... Это сразу бросится в глаза всей очереди, цвет лица и запахи прежде всего. Дикость!

В дорогу Она вынужденно надевала специальное старенькое пальто, спрятанное глубоко в кладовой, которое гарантированно не могло пропахнуть вкусными запахами готовящейся еды. А я выработал специальную походку городского дурачка, научился быть горбатым, резко уменьшая рост, а передвигался уродским шагом, чуть ли не гусиным. Четыре сотни метров по набережной, а устаешь так, будто десяточку с полной выкладкой пробежал на норматив... Зато в этой, вполне органично выглядевшей связке из голодающей старшей сестры и великовозрастного инвалида молчаливые люди в очередях не обращали на меня никакого внимания. Да и я близко не совался.

Вскоре это стало привычным делом. Некоторое время мы шли вдоль канала, где было очень мало прохожих, и я, всегда чувствовавший неприязнь к толпе, находился в спокойном, даже комфортном состоянии.

Раз за разом меня переносило к парадной, я нырял за двери и поднимался наверх, уже привычно слыша только собственные шаги. Ходил к проруби за водой, уже самостоятельно, это недалеко и легко, ничего хитрого в такой операции нет. Взял чиненые-перечиненые санки, пару бидонов с крышками, топор, деревянную лопатку для очистки проруби ото льда – и вперед. Разве что время выбирал такое, чтобы народу на реке было поменьше. Порой вынужденно, но молча все-таки контактировал с другими людьми, пришедшими к реке. Точнее, невнятно мычал, слыша в ответ короткие фразы-команды «Подвинься, милоч», «Не мешай», «Помоги-ка санки втащить»...

Случались и приключения. Как-то раз нас попытались конкретно ограбить. Молодой наглый урка дождался, пока хозяйка заберет хлеб, и прыгнул внаскок в переулке. Бесом сбоку выскочил, сразу выставляя перед собой простенькую финку. Молодой, далеко не откормленный бычок, но и не из голодных, поэтому бодрый, даже резкий. Щуплый, просторное темно-серое пальто с отложным воротником из каракуля меня не обмануло, на ногах короткие подвернутые валенки на подбое – в таких удобно бегать. Шарфа не было, чтобы не схватили в драке на удушающий прием, его заменял высокий ворот толстого свитера.

Лишней болтовней он не занимался, и так все было ясно. Работал именно по женщине, заранее, видать, оценив меня как объект, не способный к осознанному сопротивлению, только цыкнул вправо, где я стоял:

- Нишкни, болезный!

Я в ответ взволнованно закудахтал, испуганно замычал с подвыванием, все согласно роли. Разведя руки в стороны, криво и неуклюже немного придвинулся к уркагану чуть ближе и, сразу сократив расстояние длинным шагом, снес его на снег резким лоу-киком, вложив в удар столько накопившейся за все эти переносы ненависти и злой силы, что, похоже, сломал ему конечность. Заорать он не успел. Выломав одной рукой ножик, я, навалившись на лежавшее тело, схватил его за горло прямо поверх свитера, чувствуя, как противно захрустело под пальцами. Пальцы, боли в которых я не чувствовал, быстро продавливали плоть.

Убил за секунды, затем той же так и не разжатой рукой волоком втащил труп в подворотню. Быстро все произошло... Тем временем Она, посматривая во все стороны, молча стояла в переулке на фишке. На вассере, как тогда говорили.

Обыскал. Финку, простенький клинок, неряшливо изготовленный в заводской слесарке, сломал в щели между кирпичами, выкинув обломки подальше. В правом кармане нападавшего обнаружился обшарпанный пистолет ТТ с двумя полными обоймами, сразу переключившийся ко мне, а также деньги и талоны на хлеб, последних было много. Награбил, сука... И что? Вернуть я их не мог, поэтому позже сжег в камине: моим хлеба и так хватает, а палиться на них не стоит. Улика страшная, а так хлеб хоть никому не достанется левацкий.

Деньги взял. Рынок в Ленинграде работал даже в самые тяжелые дни блокады, какая-никакая меновая торговля была всегда. Кстати, подобные криминальные субчики вокруг базара и обретались, вычислить их не составляло труда. Мне до сих пор непонятно, почему менты не вязали их скопом за безделье и внешний вид абсолютно протокольного типа. Эх, добра была Советская власть...

Пистолет я хранил не у Нее дома, а в одной из пустых квартир подъезда, что давало возможность оперативно оказаться при оружии в случае возможного шухера после переноса.

Сверхзадача? Имелась. Мне нужно было сделать так, чтобы набравшаяся сил, но не окрепшая до подозрений женщина устроилась на работу, перейдя на другой паек и обретая еще одну личную социальную значимость, вот к этому и вел. Но детей в школу отпускать было нельзя, я хотел дотянуть до лета, когда станет легче, а там скоро уже и блокаду прорвут.

Тем и занимался в снах-переносах, которые случались все реже и реже, а полностью прекратились лишь тогда, когда я оказался на Платформе-5. Как обрезало.

И теперь еще раз о конфетах.

Это, пожалуй, была единственная возможность помочь хоть кому-нибудь еще, кроме опекаемой семьи, и для этого я ходил с Ней к очередям. Многие родители были с детьми, боясь оставлять слабеньких малышей без присмотра. В очереди за ними почти не следили, контролируя лишь удаление от мамы, и дети со скуки пытались играть друг с другом. И со мной, городским дурачком. Вот там я и подсовывал им конфетки, предварительно освободив сладости от оболочки. Удержаться они не могли, сразу запихивая их в рот. Конечно, кто-то рассказывал мамке, что вон тот, привычный уже всей очереди веселый дядька угостил вкусным. Вряд ли это могло вызвать особое удивление – не хлеб ведь. А чего с дурачка взять, его и самого могли угостить возле церкви... Не понимает, вот и делится.

С тех пор я эти чертовы конфетки с собой и таскаю, вошло в привычку. Каждого встреченного ребенка стараюсь угостить.

Тяжеленькая история? Извиняйте, какая уж есть.

От «Бильбао» я пошел по колее еще быстрее, с недовольством вспомнив, что в этих южных широтах такого понятия, как нормальные сумерки, практически не существует. Казалось бы, солнечный свет, меняясь сначала на оранжевый, а потом наливаясь закатным багрянцем, только начинает меркнуть по мере того, как светило отвесно опускается к горизонту, и тут – бац! Будто дежурный электрик выключил рубильник! Небо моментально наполняется чернилами, и вот уже без фонаря ни хрена не видно, наступает гробовая темень экваториальной ночи, стоп...

Напомню: двигаться по плохо изученной местности в темноте умные люди категорически не рекомендуют даже сталкерам высшей категории.

Несмотря на изменившиеся тени, колею видно было отчетливо – все тот же длинный коридор, который тянется по косе, длинная дорога из слежавшихся листьев и сломанных веточек. Лианы на деревьях принимали самые причудливые формы, свисая с высоты. Сквозь свод крон проглядывали клочки вечернего неба. А тут неплохо! В джунглях постоянно пахнет гнилью, одни стволы валяются на земле, другие висят на пружинящих лианах, шумно обрушиваясь в самый неподходящий момент. Кругом сырость, труха – термиты делают свое дело. Груды лежалой древесины придают кусты, пауки ткуют холсты огромных капканов, пейзаж неприятный, давящий. Здесь же светло и даже свежо. Местами как-то странно пусто, тишину нарушает только птичий щебет да какие-то огромные бабочки купаются в косых лучах, широкие крылья отливают серебристо-голубым цветом.

Во время движения, уже не так отвлекаясь на поиск следов возможного преследования или слежки, я часто поглядывал в бинокль на противоположный берег большого острова, острова Пузана. Там над террасой появился настоящий лес, плотной стеной росли огромные деревья и кустарники. В низинах растительность в паводок стоит притопленной, и по стволам деревьев заметно, что уровень реки может подняться выше на метр. Часть этого сложного русла-эстуария на какое-то время превращается в одно сплошное озеро, передвигаться по которому возможно только на лодках, без пеших прогулок вообще.

Над кронами деревьев постоянно парили птицы, количество и разновидности которых описать сложно. Все торопились завершить свои дела до наступления темноты. У самого уреза воды стояли белые цапли, выцеливающие зазевавшихся лягушек, стайками плавали утки. Об остальных видах, населяющих прибрежные заводи с кувшинками и мелкие травяные острова, я толком ничего даже и рассказать не могу. Определителя птиц с собой не имею. На моторе рядом с берегом ходить непросто, придется регулярно глушить, чтобы очистить винт от накрутившейся травы.

Доносились заунывные глухие вопли уже знакомой мне необычной птицы черно-белого цвета, которую в Доусоне называют камунго. Размером она с глухаря, голова украшена пером, напоминающим антенну. Вкусные, жирные, мяса много и рыбой не отдает.

Зеленые попугайчики стаями носились над рекой, перелетая от берега к берегу. По шевелению крон деревьев можно было заметить перебирающихся в них обезьянок, а на торчащих из воды корягах – греющихся в солнечных лучах редких больших черепах.

Жизнь кипит! Если через плотные заросли кустов травы подойти к самому берегу, то видно, как кругом прыгают лягушата, разноцветные кузнечики, в воздухе снуют зеленые, синие и красные стрекозы. К вечеру, когда спадает жара, насекомых у воды вообще прорва.

Все шло спокойно, пока минут через семь хода я не услышал звук, заставивший меня вздрогнуть и остановиться. Признаюсь, я даже испугался, сначала даже не осознав этого. Звук этот чем-то напомнил мне тот самый, который я услышал в парадной блокадного города, попав туда впервые. Панический, повторяющийся в истерике писклявый плач, тревожный и щемящий сердце, словно мольба о помощи. По-хорошему, мне нужно было, не обращая на это внимания, делать ноги и быстренько бежать дальше, к лагерю, но проклятая память о тяжелых снах не дала этого сделать. Хотел уйти, но уже знал, что не уйду. Я просто не смог бы двигаться почти два километра по колее с затихающим за спиной то ли плачем ребенка, то ли его стоном.

Оставив мешающий пулемет перед зарослями и вытащив пистолет, прислушался и осторожно углубился, отодвигая ветви левой рукой. Растительность цеплялась за рюкзак, и я осторожно

высвободился из объятий кустарника, который, не желая отпускать, обнимал меня цепкими лапами. Стараясь лишний раз не трещать сучками под ногами, я наконец вышел к реке перед последним кустом, который оставалось лишь отогнуть в сторону.

Ну и что тут происходит? На небольшой полянке у воды, растопырив по песку обломки сучьев, лежало длинное дерево, принесенное сюда в паводок и похожее на чудовищную кость, серую, обглоданную дочиста. Ствол был на треть погружен в воду, а на самом большом суку, очищенном течением от ветвей помельче, на самом краю, балансируя над водой из последних сил, сидел самый настоящий поросенок. Так вот, оказывается, кто пицал! На душе сразу стало легче.

Офигеть! Серого цвета животина, коричневый пяточок, по спине идут три коричневатые полосы... Такие полудикие свиньи водятся по всей Амазонке, они могут жить как на домашнем довольствии, так и самостоятельно, в природе. Все привыкли считать породистыми обязательно толстых, малоподвижных свиней, а идеалом свиньей красоты считать йоркширских жиртрестов. Но такая машина по производству сала не найдет себе столько топлива, питаюсь на дармовом подножном корму. Здешние свиньи изящны, ловки и подвижны, как горные козочки. Они легко приручаются, неприхотливы. Только сала с них не получишь: никак не набирают, хоть чем корми.

Поднырнув под ветку, я, не разгибаясь, чтобы не напугать поросенка, вышел на поляну, на ходу вопрошая:

- Чего разорался-то, пятак?

Завидев меня, испуганный свин запищал еще пуще. Ясно, что он тут не на циркового тренируется, и на сук, с которого вот-вот свалится в воду, пяточок забрался неспроста. Кайман где-то прячется?

Оглядевшись еще раз, я, олух, наконец-то заметил объект номер два и громко выругался вслух, обзывая себя всякими нехорошими словами.

Змей тут относительно немного, за время пути я увидел всего три штуки. Последняя совсем недавно какое-то время резво скользила передо мной по дороге, это была двухметровая змея с коричневыми ромбами на желтоватой коже. Ромбовидка, ядовитая тварь, которая встречается по всей Амазонке.

Со змеями у меня отношения очень простые: они меня боятся больше, чем я их, не знаю почему. Суеверие гласит, что храп человека привлекает ядовитых змей, они подползают к нему и, если спящий вздрогнет или пошевелится, жалят. Но Кастет то ли в шутку, то ли серьезно говорит, что я храплю не как человек, а как лесной тролль. Так что все змеи уползают на километр. Все прошу его записать мои рулады на диктофон для научного изучения. Так что эти гады меня особенно не тревожат. Однако сыворотка в шприц-тюбиках, изготовленных в Бразилии, в рюкзаке лежит, в пластиковых контейнерах по четыре штуки: именно столько уйдет на один укус. Пару раз рывкнул вслед, топнул, свистнул, и ромбовидка, устав удирать по прямой, быстро переползла через дорогу влево и метнулась к воде.

Здесь же охотилась большая анаконда с изумрудной чешуей, поэтому я ее сразу в траве и не заметил, что никоим образом не оправдывает разгильдяйства в рейде.

- Ого, колбаска!

Здесь ее излюбленные места: слабопроточные рукава, заводи и старицы, в таких укромных уголках, часто лежа в воде, анаконда и сторожит свою добычу – различных млекопитающих, приходящих на водопой, птиц, иногда черепах и молодых кайманов.

Метров восемь, не меньше, а точнее отсюда и не определишь. Меня анаконда заметила давно, но решения не приняла. И лишь когда я, все так же согнувшись, сделал шаг в ее сторону, охотница перегруппировалась, опираясь на широкое кольцо и показывая готовность к броску в мою сторону. Поднятая голова хозяйки сектора раззявила зубастую пасть с внушительными клыками и громко зашипела, отпугивая от ништяка незваного гостя.

- Боишься, что твоего поросенка сожру, червяк земляной? – гениально догадался я, машинально начав фоном задумываться о еде. – Правильно делаешь.

Вариантов у хрюкающей жертвы не было. Через тесные кусты поросенку быстро не смыться, а прыгать в воду бесполезно, там анаконда настигнет поросенка еще быстрее.

Стрелять категорически не хотелось. Разве что в самом крайнем случае. Это местным обормотам можно палить в окрестностях почем зря, словно на утиной охоте погожим осенним денечком, им на демаскировку плевать, они у себя дома. Мне же грохотом выстрелов в рядовом в общем-то эпизоде раскрываться не стоит. Вполне может быть, что на этой косе вообще никто не живет, так что привлекать внимание местных глупо, могут и наведаться. Убрав «люгер» в кобуру, я достал тесак и выпрямился.

Увидев славного противника во всем его великолепии, злосчастная анаконда резко засомневалась в целесообразности поединка не на жизнь, а на смерть. Быстро оглянувшись на реку, она сильно оттолкнулась от земли нижним кольцом, переместившись чуть дальше к кустам, сразу всем телом. И оттуда уже не сводила с меня глаз, характерные клапаны на ноздрях питона раздувались. Далеко от водоема она не отходит. Плавает, прекрасно ныряет и может подолгу находиться под водой, при этом ноздри замыкаются этими самыми клапанами.

- Брысь, полоз драный! – гаркнул я, нагибаясь к большому обломку корневища весом примерно килограммов шесть.

Поросенок больше не орал, понимая, что сейчас решается его судьба: кто сожрет – человек или змея? Тут уж ори не ори.

- Пшла вон, тварь! – повторил я предложение и швырнул обломок.

Удачно бросил, мой сегодня день! Тяжелая серая деревяшка попала в цель, угодив по хвосту рептилии. Если бы на месте змеи было млекопитающее, я оглох бы от вопля. Анаконда же, рефлекторно стукнув обидевший ее обломок головой, только громче зашипела, но попадание помогло ей принять единственно верное решение, она резко развернулась, устремляясь к урезу воды. Вопреки многочисленным страшилкам якобы очевидцев, даже анаконду Платформы, исключая откровенных монстров, нельзя признать смертельно опасной для крепкого взрослого человека. Единичные нападения совершаются, когда змея видит под водой только часть тела человека или же ей кажется, что на нее хотят напасть или отнять добычу. Для охотников Амазонки это отличный трофей – их убивают при любой возможности. Ради мяса.

И только сейчас до меня дошло, какую ошибку я совершаю: еда уползает!

Мясо анаконды я ни за что не соглашусь есть, находясь на отдыхе в Замке или в полевом лагере с нормальным котловым довольствием. Многие жители здешних деревень любят его за

своеобразный сладковатый привкус, я же скажу так – редкостная гадость. Существует два метода готовки: долгое томление на медленном огне, что предпочтительней, или быстрая обжарка, если мясо нарезано не очень толсто, причем местные часто жарят стейки вместе с кожей. Так как жира в мясе анаконды почти нет, жарить следует на сильно раскаленной сковороде, очень быстро, иначе оно станет жестким, как подошва. Еще одна особенность жаркого или бифштексов из анаконды – запах, сильный, специфический и противный, который можно убить лишь долгим вымачиванием в проточной воде, специями или заливкой маринадом типа соевого соуса, после чего оно начинает пахнуть азиатской кухней. Кожу нужно сдирать однозначно, мне кажется, что львиную долю запаха дает именно она.

В сыром виде оно плотное, тянучее и сухое, волокна грубые. Еще бы... Тот, кто видел, как питон сжимает кольцами пойманную дичь, ломая ей кости, дряблости мышц ожидать не станет. В готовом виде мясо чем-то похоже на грудку индейки, сильно ужаривается, но даже после тушения его замучаешься жевать. А съесть лучше сразу, так как на следующий день из кастрюли полезет еще более тяжелый запах змеятины...

Жесткость мяса меня не пугает. Видели бы вы, как ржал народ, когда я как-то минут десять изо всей силы колотил большой потрошеной змеей по дереву, словно гигантским ремнем, размягчая полуфабрикат... На видео снимали. Затем в ручей на часок, и вполне-вполне, особенно когда голодный. Сейчас вся группа голодная, а восьмиметровая анаконда не маленький поросенок – берем только филей и наедаемся от пуза.

– Стоять, докторская! – заорал я, бросаюсь вперед с ножом наперевес, и анаконда рванула к воде юрким полозом, явно осознав, что ее ожидает. Может быть, это было бы и забавно в другой ситуации, но сейчас решался вполне серьезный вопрос.

Не успеваю! Скользкая зеленая колбаса уже скрывалась в тростнике, и я с криком «Кхе!» мощно прыгнул, целясь по телу змеи ближе к хвосту и стараясь успеть отрубить хотя бы полметра. Хрень! Тяжелый боуи, с легкостью прорубив влажный плетеный дерн, глубоко увяз в каком-то десятке сантиметров от дрожащего кончика хвоста, который изумрудной молнией тут же скрылся из виду.

Упустил! Промедлил! Оболтус!

– Твою ты мать... – тихо молвил я, с трудом вытаскивая тесак из земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)